

Гай Юлий Орловский

Рыц@ры

Длинные Руки —
воин Господа

Простолюдин, если отважится,
может стать оруженосцем, а за
подвиг — может получить рыцарский
звания. Но рыцарь принимает
и добавочные обязанности: чти
женщин, защищать сирот, ср
с силами Азъмы, не уступать
колдунам и черным магам.
А еще рыцари часто выно
странствовать, кто по
обетам, что добыча и
содержит...

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные
Руки – воин Господа**

«ЭКСМО»

2001

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – воин Господа / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2001 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 5-699-06890-2

Простолюдин, если отважен и честен, может стать оруженосцем, а совершивший подвиг – может получить рыцарское звание. Но рыцарь принимает и добавочные обязанности: чтить женщин, защищать сирот, сражаться с силами Тьмы, не уступать колдунам и черным магам. А еще рыцари часто вынуждены странствовать, кто по собственным обетам, кто, добывая церковные святыни, кто, отыскивая достойных противников, а кто и выполняя особые поручения короля. Или – королевы.

ISBN 5-699-06890-2

© Орловский Г. Ю., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – воин Господа
Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Длинные Руки —
воин Господа

Часть I

Глава 1

Тяжесть вдавила в землю. Подались в стороны и затрещали ребра, лопнула грудь, а сердце расплющилось в кровавую лепешку. Я очнулся, весь дрожа от ужаса, а сердце, наверстывая, билось с удесятеренной скоростью и мощью. Пот прошиб с такой силой, что рубашка стала мокрой, будто пробежался под теплым дождем.

Ртом хватал воздух с хрипами, будто превратился в умирающего астматика. В животе холодно и тяжело, пальцы вцепились в шкуру... нет, уже в настоящее толстое одеяло. Череп трещит, во мне все еще смертельный ужас. Кто-то огромный и ужасный с подлинно космической мощью вошел в меня ночью, а теперь трепещущее сознание яростно выталкивает остатки жути, но тьма уходит медленно, по своей воле.

Сквозь сон я услышал сдавленный вскрик. И хотя волны ужаса бросают как щепку среди звезд, я собрался с силами, руки проломили хрустальный небосвод, я выпал в черноту ночи в своей комнатке. Сильно пахнет маслом и растопленным воском, в зарешеченное окно льется узкий лучик луны, по отскобленным доскам пола медленно передвигается светлый прямоугольник призрачного света.

В коридоре – голоса, дверь с треском распахнулась. В проеме возник силуэт человека с мечом в руке. За его спиной еще один, уже с факелом. Багровый огонь ударил по глазам как палкой. Я съежился и закрылся ладонью.

– Жив, – проревел густой голос, я узнал по реву Бернарда. – Лучше бы нашествие саранчи, чем этот мой оруженосец...

– Отдай мне, – предложил другой голос.

– В обмен на твоего коня?

– Да иди ты...

Человек с факелом толкнул Бернарда в спину. Они вошли, огляделись по-хозяйски, сдвигая, а то и переворачивая мебель. Бернард сунул меч в ножны. Я поднялся, сел на ложе. Сердце еще колотится, словно банка пепси катится с горы, подпрыгивая на камнях. Черный ужас уходит чересчур медленно, рубашку хоть выжми, а жаркие капли пота собрались на лбу крупные как виноградины.

Человек с факелом зажег светильник, факел воткнул в подставку на стене. Бернард всмотрелся в мое бледное лицо с вытаращенными глазами.

– Ну что скажешь? – спросил он грубо.

– А что случилось?

– А ты взгляни..

Оба скалили зубы. Я проследил за их взглядами. Тени от их крупных фигур раздвинулись, на полу видны тускло поблескивающие темные капли. Бернард приблизил к полу косматый, похожий на огненную горгону, факел. Капли оказались с выпуклыми спинками, похожие на божьих коровок, но я с холодком вдоль хребта признал кровь. При ярком свете выпуклые капли заблестели ярко-красным, пурпурным, даже багровым, как зарево заката. Цепочка торопливо бежала к двери, а те, что уже добежали, собрались в лужицу размером с ладонь. Полдюжины капель все еще медленно сползали по дверному косяку на пол. За ними оставались бледно-розовые следы.

– Это не моя кровь, – запротестовал я.

Бернард оскалил зубы в нерадостной усмешке.

– Понятно. К счастью, и не моя, хотя могла быть и моей. Не здесь, а там... где ты предложил мне попробовать метнуть свой могильный молот. Хорошо, что я не притронулся к тому, что держал мертвяк...

Мертвяк мой молот никогда не держал, но спорить я не стал, лишь ошалело смотрел по сторонам, старался унять бешено прыгающее сердце. Во сне, когда меня не душил кошмар, я заваривал кофе, нетерпеливо переминался перед шахтой лифта, бегом из подъезда и до близкого туннеля метро, эскалатор, платформа, третий вагон от хвоста... Второй воин молча скалил зубы. Он кивнул на молот, улыбка стала шире, словно играл на бритве. Я смотрел тупо, потом сообразил, что молот совсем не в той позиции, как я поставил. Я ставлю возле постели ручкой вверх, он тогда похож на любопытного суслика, а сейчас, как сытый удав, разлегся плашмя.

Бернард посуровел. Улыбка исчезла, а голос громыхнул, напоминая мне привычные раскаты на рассвете, когда я не сразу мог врубиться: то ли гроза приближается, то ли Бернард защищает от ехидного Асмера непорочность зачатия Девы Марии.

– Кто-то пытался выкрасть твой молот, – сообщил Бернард. – Странно, ведь о нем позабыли в суматохе, как приехали. Я тоже забыл, что он у тебя не совсем простой... Но кто-то узнал! И даже пытался... К счастью, не все про этот молот знал.

Воин добавил:

– Бернард, мы найдем быстро. Беольдр уже велел закрыть выходы. Проверим всех, у кого раздроблены пальцы.

Бернард взглянул на пятна крови, обронил со злым удовлетворением:

– Бери больше... Всю кисть раздробил, не иначе.

– Хорошо бы руку, – сказал его напарник мечтательно. – А лучше – ноги. Чтоб долго не искать.

Они посмотрели на мое бледное лицо, захохотали. Потом Бернард сказал серьезно:

– Ладно, Дик, вымой рыло, оденься в чистое и будь наготове. Нас обещали допустить к королю.

Он говорил значительно, я тоже ощутил важность события, поднялся, остатки сна слетели, как вспугнутые воробьи.

– Ого! На раздачу пряников?

Он посмотрел подозрительно, а это страшно и пугающе, когда огромный и без того угрюмый Бернард смотрит подозрительно.

– Это что?

– Ну, – сказал я торопливо, – раздача слонов... Наград, повышений, грамот... э-э... жалованья. Повышений в звании. Мы ж задание выполнили?

Он в раздражении пожал плечами – половина слов незнакома, потом внезапно широкое лицо, грубое и высеченное словно бы из камня, проявило признаки человечности.

– Молодец, Дик, – громыхнул он. – Уже начал говорить «мы». Кто ты, не знаю, но держался хорошо. Не оробей перед королем. Слона тебе не обещаю, но монаршее благоволение будет.

– Наверное, – добавил второй.

– Наверное будет, – согласился Бернард. – И еще...

Он прервал себя на полуслове, глаза прикипели к моей груди. Я ощутил, что амулет леди Мирагунды выскользнул из распахнутой на груди рубашки и нагло смотрит на бледную луну кроваво-красным глазом.

– Что это у тебя?

– Где? – спросил я.

– Не прикидывайся, – бросил он серьезно. – Такие камешки вороны в гнезда не таскают!

– Так и я вроде не совсем ворона, – ответил я. – Хотя, конечно, временами...

– Не прикидывайся, – повторил он. – Я бы на твоём месте от такого амулета подальше, подальше...

– А на своём? – спросил я и сделал движение взять амулет в ладонь.

Бернард отпрянул с неожиданной скоростью для его массивного тела. Лицо пожелтело.

– Не трогай, – сказал он быстро. – Лучше вообще не притрагивайся!

– Да что это?

– Это фамильный знак... Древних Королей! Говорят, они вообще не были людьми. По крайней мере, человеку лучше с этой штукой дел не иметь. А уж доброму христианину – тем более.

Я опустил руку, Бернард с облегчением выдохнул. Второй нетерпеливо постукивал себя по боку, железо отзывалось так, словно плотно сидело на дереве. Бернард кивнул, оба пошли к двери, уже забыли обо мне, слишком заняты проблемами выживания Зорра. Я перевел дух. Рассказывать о неожиданном баронстве, когда я получил этот амулет, не стоит. Не поверят – раз, второе – не с моим суконным рылом простолюдина щупать баронесс. Вздернут без лишних слов за оскорбление высшего сословия.

Странно, после их ухода я чувствовал, что сердце уже не трясется, как атомное ядро. Сильные, грубые, но такие реальные, устойчивые, надежные, что я перевел дыхание, расслабил взведенные мышцы. Значит, у меня, кроме крестика на шее, подаренного священником, еще и амулет Древних Королей. То-то меня тимурленг из кургана признал своим. Хотя вряд ли он звался королем, но теперь королями зовем всех рексов, базилевсов, фараонов, раджей, шахов и всяких ханов... Нет, ханов и каганов – пока еще нет, но рексы и базилевсы – короли, точно...

Лунный свет заливает половину комнаты, но в другой половине сгустился мрак. И хотя я понимаю, что там всего лишь густая тень, по телу снова прокатился озноб. Почудилось, что из тьмы следят неотступно немигающие глаза. Даже слегка блеснуло...

– Да скроется солнце... – сказал я с натужной бодростью. – Нет, да скроется Тьма... да возгорится... нет, все-таки хреново учим классиков.

Из окна видно, как на востоке посветлело небо. Еще чуть – и порозовеют облака, заискрится темный край земли, высунется раскаленный краешек солнца. Словом, досыпать поздно, здесь встают рано. Только засну, поднимут пинками. Здесь люди простые, религиозные...

В другой комнате я умылся из бочки с водой, пальцем поскреб зубы и помассировал десны. Скоро, правда, отвыкну от этой привычки, занесенной крестonosцами из походов в арабские страны. До этого в Европе не было такого дурацкого обычая, как ежедневно умываться... Как-то не по-мужски мыться, какая-то гнилая привычка даже... Вон Екатерина Вторая, императрица, роскошная женщина, и то мыла только то, что можно увидеть из декольте. Уважаю.

Вытирая волосы, я вернулся в комнату. На лавке ждет чистая полотняная рубашка. Анна старается, тихая дворовая девка, робкая и застенчивая. Я ощутил приятный запах – явно стирали с травами. Или потом с травами отмачивали, забивая запах крови и пота. Я быстро набросил ее на свое крепкое, еще сохранившееся солнечный загар тело, влез в брюки из тонкой кожи, выглянул в окно и только тогда надел кольчугу. Она легла на плечи мягко, без привычного легкого звона. От нее вкусно пахнет маслом. Так же быстро застегнул пояс, тоже смазанный для гибкости маслом. Даже рассохшиеся чехлы для ножей блестят и уже не скрипят зловеще и намекающе.

Я проверил, хорошо ли выдергиваются ножи, взял меч и тоже пристегнул к поясу. Несмотря на утро, во дворе все еще полыхают небольшие костры, вокруг сгрудились измученные оборванные люди. Греются, готовят еду, очень скудную, нищенскую. Ни ветра, ни движения воздуха, меня передернуло от вони, запаха нечистот. Облезлые голодные собаки бродят между кучками людей, лъстиво заглядывают в глаза – то ли ищут хозяев, то ли просят хотя бы косточку или сухарик.

Люди вздрагивают, жмутся друг к другу. Многие, наверное, потеряли в бегстве родных и близких, а сейчас на их измученных лицах я видел только страх, отчаяние и покорность судьбе. Они сделали все, что могли: добежали до города. Теперь пришла очередь показать себя тем сильным и жестоким людям, что заставляли их ломать камень для городских стен и для крепости, рыть подземные ходы, глубокий ров, насыпать высокий вал, а сами носились по лесу за каким-нибудь несчастным оленем...

Здесь, во дворе, постоянно сообщают друг другу о движении ударного войска Тьмы, где людей нет вовсе, а только огры, тролли и всякая нечисть, которой раньше не зрел христианский люд. Но даже ударное войско продвигалось с немалыми усилиями, а иногда надолго останавливалось, и тогда надежда вспыхивала в сердцах, люди посматривали друг на друга с неуверенными улыбками: а чего мы это так переполошились?.. Но выяснялось, что огров задержало вовсе не войско людей, а река или разлившееся болото. И вот снова в ночи багровый отсвет пожаров, ветер доносит запах горящих посевов, амбаров с зерном, а на том месте, где города и деревни, вздымаются столбы чадного пламени...

Королевским глашатаям верят мало, больше слушают беженцев, странствующих мудрецов и пророков, которые в дни бедствий плодятся как саранча. С особой жадностью окружают торговцев, что ухитряются побывать в самых опасных местах и вернуться с прибылью.

Строители с каждым днем поднимали на длину меча городскую стену, внутри города укреплялись храмы, замки, каменные дома, народ перегораживал переулки телегами с булыжниками. Лорды уверяли, что еще недельку-другую, и в убежищах места хватит всем, а в подвалах уже достаточно съестного, чтобы прокормиться год безбедно, и еще на пару лет муки и зерна, родники же никому не перекроют...

На строителей смотрели с надеждой, ибо среди них были присланные из Срединных Королевств умельцы, что, по слухам, вставляют в стены особые трубки, те при любом порыве ветра вызывают свист, от которого у огров корчи, а тролли так и вовсе кидаются на своих, убивают и калечат, а потом падают замертво. Еще передавали слухи, что от самого императора прибыли сто сильнейших магов, они поставят магическую стену, через которую никто не сможет пройти. Даже если сам Сатана явится, и того не пропустят...

Торговцы рассказали также, что на захваченных Тьмой землях, именно там, где прошли свирепые огры, остались нетронутые деревни, где крестьяне по-прежнему пахут землю и собирают урожай, пасут скот, ловят рыбу, и никто их не трогает, даже не гонит на работы в замок лорда.

С надеждой пересказывали слова старого ветерана, который прошел бок о бок с бесстрашным Кангаром все двадцать лет войны с горцами. Он говорил, что Кангар уже идет к ним со всем войском, но если для другого полководца на это потребуется два месяца, то Кангар с его стремительными бросками будет здесь через две недели. Он придет с огромным войском, он понимает размеры беды, а Кангар – это Кангар, вы же все знаете, он пока что не проиграл ни одного сражения...

Среди слухов, сообщений, рассказов и суждений все потеряло все очертания, ибо самый честный человек мог лгать вам в глаза, чтобы успокоить, поддержать, утешить, а к вечеру вы видели его на телеге, нагруженной всем скарбом, как он нахлестывает коней, спеша выбраться поскорее из обреченного города.

Я пробрался к кузнице, оттуда несет горячим воздухом, сквозь щели в крыше пробиваются сизые струйки дыма. В кузнице вообще как в аду, горячий дым застрял в горле, там сразу запершило, глаза начали слезиться. Сквозь дым видел две могучие фигуры молотобойцев, оба не обратили на меня внимания, а сам кузнец кивнул, сбросил рукавицы.

Я поспешно попятился на свежий воздух. Кузнец вывалился, как из мартеновской печи, крупный, красный, как вареный рак, с вытопленным жиром, весь жилистый, но все равно толстый, ширококостный.

Огромные руки похлопали по кожаному переднику, там дымилось, комочки застывшего металла усеивали этот коричневый панцирь как заклепки. Волосы на руках обгорели, кожа выглядит от многочисленных ожогов пятнистой.

Он оглядел меня с головы до ног оценивающе и придиричливо.

– Это тебя вчера приводил Асмер?.. Тебя, тебя. Людей такого роста не забывают. Твой панцирь я выбросил. Пойдет на перековку. Подковы, гвозди... Хорошо по тебе били, хорошо! Нет, для тебя ничего не подобрал, мои доспехи расхватывают заранее, но кое-что принесли соседи...

Он повернулся, что-то зычно прокричал в сторону кузни. Молотобоец, тоже красный, как вареная креветка, вынес в охапке и начал раскладывать на лавке перед кузней многочисленное железо.

Я смотрел с содроганием. Это уже не панцирь, к которому я притерпелся за последнюю неделю, а цельные доспехи. Панцирь закрывал только грудь и спину, еще живот, конечно, но и то я страдал от этой нелепой тяжести, а сейчас на лавке разложены помимо панциря еще и металлические полушария для плеч, наручные пластины, что закрывают от плеча и до локтя, а еще по две – от локтя и до кисти. Такие же точно для ног, но не трубы, как я наивно представлял по фильмам, а гораздо хуже: половинки труб. Одни парные половинки явно сцепляются защелками, другие попросту нужно связывать ремешками. Самые толстые ремни свисают, понятно, с панциря.

– Я в них упаду, – возразил я. – Да и как в таком драться?..

Кузнец широко ухмыльнулся.

– Верно, я тоже люблю в бой налегке!.. Куда проворнее. Увы, тебе нельзя.

– Почему?

– Наверное, ценят.

– Кого ценят, того не мучают, – заявил я.

Он покачал головой.

– Кого ценят, на того и груз побольше... Видел, какие доспехи на Ланселоте? А как в них дерется? Двигается как молния! Мог бы поучиться, раз уж выпала честь ехать с таким великим рыцарем.

Я пробормотал:

– Какой Ланселот?.. У нас Ланселота не было... Правда, Лансерот...

Кузнец издевательски ржанул.

– Во какой тупой!.. Надо же. Люди, плюйте на него!.. Миссия ж была тайная. Это теперь о ней песни складывают, с какими хитростями ехали, как телегу с камнями везли, а мощи налегке вперед отправили! Если бы враги знали, что с вами сам великий Ланселот, о котором слава по всем королевствам, поняли бы, что дело очень непростое... За вами бы вся армия гонялась! Так что тебе повезло, тебе выпала неслыханная честь подержаться за стремя самого Ланселота, а ты... эх, лопух!.. Ладно, с доспехами понятно. Лопай чем кормят, надевай что дают. Что не так, на тебе подгоним. А что с оружием? Я слышан про твой летающий молот...

– Если бы летающий, – возразил я. – А то швырять приходится изо всей силы!.. У меня уже суставы в плече, как у ревматика.

– Но возвращается прямо в руку?.. Не забудь зайти с ним в церковь. Святые отцы должны прочесть над ним молитвы... А что кроме молота? Все-таки молот, понимаешь, вспомогательное. Им дерутся только простолюдины, а у рыцарей это так, на всякий случай...

– Гм... да... мля, – промямлил я, не понимая, острит так или не знает, что мне до рыцарства, как ему до баронства, – у меня еще и меч...

Я косил глаз, рукоять меча словно бы даже всползла по спине, только бы я ее заметил. Кузнец отступил на шаг, когда я потащил из ножен эту сверкающую льдом полосу удивительной стали. Впервые на его суровом обожженном лице проступило нечто вроде уважения.

– Парень, – сказал он наконец, – тебе несказанно повезло.

Меч блистал грозно, легкий и настолько тонкий, что сердце вздрагивало в страхе: как бы не переломился, как тонкая льдинка, под собственным весом.

Я повертел его перед собой, впечатление легкости обманчиво, меч достаточно тяжел, чтобы рубить, как боевым топором, а лезвие настолько острое, что перышко распадается на две половинки.

Кузнец правильно понял страдальческое выражение на моей морде.

– Не выщербится, – заверил он. – И не согнется. Гномы эти мечи делают тысячи лет. Эти штуки даже не ржавеют. Эх, повезло тебе, парень!

Я с сомнением оглядел железо на лавке.

– Да?

– Повезло, повезло, – повторил кузнец. – Доспехи, которые делаю для благородных, конечно, лучше твоих, но их можно заказать оружейникам и здесь. Если золота хватит, конечно. Это дорогая штука! Хорошие доспехи делают не один месяц. А вот такой меч только у гномов... Давай помогу надеть! Тебе, я слышал, дарована честь присутствовать на аудиенции Его Величества?

– Я тоже слышал, – ответил я. – А доспехи – это вроде обязательного черного костюма и галстука? Теперь понятно, откуда это пошло.

Без посторонней помощи я никогда бы в жизни не влез в это железо. Просто не сумел бы. Нелепое, тяжелое, из низкосортной стали... да какой там стали, это сыродутное железо, ненамного прочнее медных или бронзовых лат, а непрочность компенсируется толщиной, что, в свою очередь, сказывается на весе. Кузнец прилаживал то одну железку, то другую, стягивал ремнями, укрепил хоккейные щитки на голени, а потом еще и со стороны лытки защелкнул, и вот мои ноги полностью в железе, только для ступней, к счастью, нашлось свободное место.

Когда я ощутил, что намертво закован в эту башню из железа, кузнец отступил от меня, сказал бодро:

– Готово!

Я сделал нетвердый шаг, повернулся, но примерочные зеркала в таких оружейных не предусмотрены стандартами средневековых оружейных. Вес ощутимо давит на плечи, сковывает движения. Кузнец опоясал меня широким ремнем, где слева подвесил молот, а через плечо перекинул новенькую перевязь. Я скосил глаза – рукоять длинного меча с готовностью высунулась из-за левого плеча.

– Не знаю, – сказал я зло, – смогу ли в этом драться.

Кузнец снова отступил, обошел со всех сторон, подергал, постучал по железу.

– Слушай, парень, – сказал он наконец, – я знаю слишком мало рыцарей, на которых доспехи сидели бы так... хорошо.

– Я не рыцарь.

– Тем более, – сказал он значительно.

– Я мог бы одеться и проще.

– Тебе оказана великая честь, – сказал он строго. – Ты предстанешь перед королем!.. А если твои сюзерены велели тебе дать доспехи, то благодари, дурень, а не вороти нос.

– Ладно, – ответил я смиренно. – Доспехи так доспехи.

Крыша королевского дворца блестит под утренним солнцем, но стены и двор еще в густой тени – остатке ночи. Но даже крыша в ржавых пятнах, что вовсе не ржавчина, а следы огня из пастей летающих тварей. Кое-где сорвана черепица, а зубчатый парапет проломлен в трех местах. Стены и вовсе в следах от ударов раскаленных камней из катапульт, от огромных стрел. Между камней видны пятна несмываемой сажи, что въелась уже и в сами камни.

Перед закрытыми воротами, как водится везде, десяток просителей. На меня оглянулись, но никто, понятно, не посторонится. Я уже изготовился остановиться у двери и ждать, ибо для человека моего мира ждать – дело привычное. Ждем на остановках общественного транспорта, ждем у светофоров, ждем открытия магазинов, ждем, ждем... Это здесь не надо мучиться выбором: ждать автобуса или топтать пешком...

Грохот копыт заставил быстро обернуться. В мою сторону неся рыцарь в полных доспехах. Копье держал острием вверх, но опустить и нацелить мне под ребра – дело секунды. Громкий конь высекает искры из-под всех четырех, из ноздрей вырывается пар, похожий на дым.

В трех шагах от меня рыцарь бросил поводья, копьё со звоном полетело на землю. Рыцарь соскочил довольно проворно, подбежал и пал на одно колено.

– Мой господин, наконец-то вы прибыли!

Я с недоумением смотрел в розовощекое юношеское лицо, на длинные белокурые локоны, что так красиво падают на плечи...

– А-а-а, – вырвалось у меня, – так вы этот... как его...

– Конт Сигизмунд, – напомнил он трепещущим от счастья голосом.

– Ага, – сказал я, – это вы тогда...

– Да, – воскликнул он счастливо, – это меня вы удостоили поединком! Я был выбит вами из седла одним ударом. Я все выполнил, здесь, в Зорре, уже вторую неделю, а вчера услышал, что вернулись герои с мощами святого Тертуллиана. Увидев вас, я понял, какую важную миссию вы выполняли, и понял еще, каким дерзким и самонадеянным щенком я был!

С той стороны площади показались блестящие фигуры. Ланзерота я узнал сразу... то есть теперь уже Ланселота... неужели в самом деле того самого легендарного, самого лучшего рыцаря христианского мира? А вот Бернард, Рудольф и Асмер в таких новеньких доспехах, что если бы не шлемы в руках, то сразу и не признаешь. Рудольфа я отличил только по коренастой фигуре, что поперек себя шире, да огненно-красной скирде на плечах, где в самой середине поблескивают глаза и торчит кончик носа. Рот тонет в окладистой бороде венником, уши затерялись в красных космах, а сверху вообще такое, что я буду смотреть с великим интересом, как он все это сумеет запихнуть под шлем. Да еще с забралом.

– Да бросьте, – сказал я торопливо. – Каждый выполняет свои обязанности... И это... встаньте же, конт.

Он поднялся, но все равно смотрел на меня снизу вверх сияющими глазами, только что не визжал и не падал на землю кверху лапами.

– Господин, – сказал он преданно, – располагайте мною!.. Я – ваш вассал, я пойду за вами всюду...

Бернард прогрохотал подкованными сапогами прямо ко мне, это ж у него я на подхвате оруженосцем, потому и торчу здесь, не рыцарям же ждать меня, простолюдина. На ходу метнул удивленный взгляд на молодого рыцаря, явно видел, как тот поднимается с колен.

– Ого, – громыхнул он густым мощным голосом, что сразу напомнил мне далекие раскаты грома, – Дик, да ты смотришься неплохо.

Лансерот... гм... Ланселот скользнул по мне безразличным взглядом. Его золотые кудри красиво падают на металлические плечи, крупные холодные глаза смотрят без выражения, а массивная нижняя челюсть снова вызвала у меня желание садануть по ней бронированным кулаком. Нет, уже ногой. Жаль, восточными единоборствами я не занимался, а связывать великого и непобедимого Ланселота и укладывать мне под ноги вряд ли станут.

Конт Сигизмунд посмотрел на всех исподлобья – что-то они недостаточно почтительно обращаются с его господином и сюзереном, но смолчал, раз уж я молчу.

– Дик, – сказал и Рудольф, – ты просто вылитый рыцарь!

Сказал и осекся, Ланселот нахмурился, его красивое надменное лицо стало злым, а плотно сжатые губы вовсе слились в тонкую линию, как защелки стального капкана.

– Где священник? – спросил он, ни к кому не обращаясь. – Он что же, полагает, что...

– Простите, ваша милость, – прервал Рудольф, – вон бежит, запыхался!

Сигизмунд отошел к своему коню. Я показал ему мимикой, что не до него, у меня и здесь особое задание, не надо меня рассекречивать. Его брови полезли вверх, челюсть отвисла. Потом спохватился, влез на коня, уже с седла отвесил мне низкий поклон и повернул коня обратно.

Асмер смолчал, хотя все заметил, только подмигнул мне украдкой. Он тоже в полных доспехах, но и в железе ухитряется выглядеть компьютерным спецэффектом, что может менять облик, двигаться с любой скоростью, перетекать из одного состояния в другое. Только у него из-за плеча выглядывает рог лука, а меч на поясе выглядит намного короче, чем у других.

Священник в самом деле запыхался, на бледных худых щеках выступили красные пятна. Лысина покрылась мелкими капельками пота, неопрятные седые волосы по бокам торчат, как перья большой осетровой рыбы. Узкое, как лезвие топора, лицо все такое же злое, а когда его острые глаза зацепились за меня, он вообще показался мне жутким, как буревестник революции.

– Меня задержало Его Преосвященство, – сказал он быстро. Метнул на меня неприязненный взгляд. – Его интересовало кое-что о нашем... походе.

Ланселот кивнул, Бернард не двинул даже бровью, Асмер сказал живо:

– Не думал, что Его Преосвященство чем-то еще интересуется в этой жизни... Пойдемте?

Ланселот стукнул в ворота. Из сторожевой башенки высунулись головы в шлемах. С их высоты даже рыцари и не рыцари вовсе, а так, удобные мишени для арбалетов. Никто ничего не спросил, створки ворот пошли в стороны. Мы вошли в зал, просторный, но обставленный со спартанской простотой. В этом зале, явно предбаннике, сидели и прохаживались группками рыцари и знатные люди в ожидании приема.

Ланселот двинулся вперед прямо через центр, ни на кого не глядя, взгляд высокомерно поверх голов, что с его ростом нетрудно, за ним огромный и нечеловечески могучий Бернард, теперь я уже знаю, он тащит свой род от горных великанов, Рудольф – только я знаю его тайну, Асмер, в чьем роду есть и кровь эльфов, а мы с отцом Совнаролом, антагонисты, вынужденно топаем в арьергарде бок о бок.

Перед нами расступались не только знатные граждане. Рыцари тоже почтительно кланялись, провожали взглядами. Я слышал, как назывались имя и титулы Ланселота, перечислялись победы Бернарда, даже на меня пало жадное и отчаянное внимание. Отметили мой рост, могучую фигуру, слышно было, как говорят о странном мече, о молоте на поясе, даже о сапогах, хотя сапоги уж точно самые обыкновенные.

Мне было стыдно и неловко, потому что эти люди на грани полного изнеможения, истощены, их дух пал, им нужна надежда, но хватит ли надежды и воодушевления, вызванного мощами святого Тертуллиана? Не хочу, чтобы на меня смотрели вот так... как смотрят! Я не герой, ибо герой – это прежде всего состояние духа, а не тело акселерата, каких пруд пруди. Там, у себя в Москве, я был самым обыкновенным, даже рост что ни есть средний, а здесь хоть команду баскетболистов организовывай...

Дверь в тронный зал широка, дубовые доски украшены орнаментом, но спартанская простота чувствуется и здесь, строители явно заботились о прочности больше, чем о красотах. С той стороны двери – голоса, что дивно. Я полагал, что там только небольшой зал с тронном, а на троне – король. Ну, в лучшем случае справа – шут с бубенцами, слева – мудрец. Или наоборот: слева – шут, которого слушают в охотку все, справа – мудрец, которого не слушает никто.

Стражи скрестили перед нами копыя. Один сказал торопливо:

– Его Величество принимает баронов.

Ланселот вскинул бровь. Нижняя челюсть поехала вперед, в глазах появился недобрый прищур.

– Ну и что? – спросил он холодно. – Мы не собираемся мешать их разговору.

Страж сказал еще просительнее:

– Сэр Ланселот, мы все преклоняемся перед вашими подвигами! Но Его Величество просили подождать. У них важный разговор...

Ланселот сказал брезгливым голосом:

– И достаточно неприятный, как догадываюсь. Но вряд ли бароны спрашивали позволения пройти через эту дверь.

Он выпрямился, холодный и надменный настолько, что я даже восхитился этой смеси наглости и высокомерия. Копье отлетело от небрежного взмаха рыцарской длани, страж едва не улетел вместе с ним. Ланселот пнул дверь ногой, створки распахнулись.

Глава 2

Яркий радостный свет ударил по глазам. Мы с Совнаролом вдвинулись вслед за Бернардом, Рудольфом и Асмером. Ланселот остановился на два шага впереди, правая рука все еще на рукояти меча, шлем картинно на согнутой левой, глаза бесстрастно охватывают всю картину. Створки за спиной поспешно захлопнулись.

Сотни больших свечей заливают зал ярким светом. На стенах в медных чашах расплескивают огонь светильники, мне даже показалось, что в зале натуральный электрический свет, настолько все ярко и светло. Из высоких витражных окон падает свет утреннего солнца. Преломляясь в цветных стеклах, багровый свет обрел радостные пурпурные и оранжевые оттенки, и весь зал показался мне залитым натуральным солнечным светом полдня.

Я засмотрелся на огромный массивный трон с очень высокой спинкой. Сам трон – на особом постаменте, застеленном красным сукном, высокая спинка кресла-трона защищает от ударов ножом в спину, а с боков своими телами закрывают, хотя и невольно, двое в креслах пониже, поскромнее и с простыми резными спинками. Справа – ослепительно красивая женщина, я видел ее в день прибытия во дворец... королева Шартреза, а по другую сторону – громадный воин с суровым лицом, правая сторона испещрена шрамами, брови – каменные уступы, глаза недоверчивые. Этого тоже видел, Беольдр, двоюродный брат короля, щит и меч, лучший полководец, храбрый и жестокий воин, который, как здесь водится, первым в бой, последним из боя...

Асмер зыркал по сторонам, он тоже, как и я, искал глазами принцессу, все-таки плоть и кровь короля Шарлегайла, она ближе королю, чем Беольдр и тем более новая королева, но все три кресла заняты, а четвертого нет.

В трех шагах перед королем стоят трое, и я сразу понял, что мы все, включая Ланселота и принцессу, всего лишь одна из новостей дня, но даже не новость недели. И что эти трое намного важнее, чем даже принцесса, собственная дочь.

Их важность ощутил даже я, от всех троих струится властность, сила, как сила характеров, так и мышц. Но только один из них гигант, то есть почти мне вровень, остальные двое ему разве что до плеча, но я всеми фибрами и нейронами чувствовал их свирепость и неукротимость в битвах, жестокость и целеустремленность, властность, нежелание отступить и умение добиваться цели. Да, это все еще тот мир, когда во главе те, кто мечом ли, коварством или как-то иначе, но сам завоевал себе баронство и сам правит им, не передоверяя управляющим, не погрязая в неге, роскоши, утех.

Король из-под опущенных вроде бы в усталости век внимательно рассматривает всех троих. Гигант – понятно, этот добился земель мечом, мечом и правит, второй – крепко сбитый невысокий мужчина средних лет, выглядит ветераном многих битв, но уже не солдат, этот правит не силой своего меча, а видом своих мечей – у него наверняка неплохая армия, пусть маленькая, но вымуштрованная и хорошо вооруженная. Третий смотрится чересчур безобидным, прямо мотылек, даже волосы красиво завил, а одежда роскошная до неприличия. Но если он – владетельный барон, то за этим кроется сила и только сила. Никакое право пока что не действует, если оно не подкреплено силой. Впрочем, разве так только в этом мире?

Нарочито или нет, но трон стоит так, что узкий косой луч падает через простое окно прямо на сиденье и на короля, заливая все золотистым светом. Все медные или золотые бляшки на троне блестят, как и все металлические застежки и заклепки на одежде короля, но сильнее всех, просто нестерпимо ярко блистает золотая корона и в ней – драгоценные камни.

Король восседал гордо, надменно, огромный, все еще могучий, хотя седой до последнего волоска, лицо испещрено не столько шрамами, сколько морщинами. Я сразу представил его в молодости огромным мускулистым Шварценеггером, что с мечом в руке отвоевал эти

земли, силой заставил подневольных крестьян выстроить замок, обнести высокой крепостной стеной, а потом позволил выжившим плодиться и размножаться, крепкой рукой ограждая их от набегов соседей. Постепенно забылись его жестокость, свирепость, казни, остался суровый, но справедливый правитель, что печется о благе простого народа...

Да и как не печься, подумал я. Это же то стадо, с которого стрижешь шерсть, получаешь молоко и мясо. Чем стадо здоровее...

Трое косились в нашу сторону с явной неприязнью. Но никто не пикнул, похоже, они двери к королю тоже открывают ногами. Гигант стоит как скала, рука на рукояти меча, глаза сверкают угрюмой решимостью, а второй, который выглядит немолодым ветераном, поморщился на наш приход, но продолжал ровным злым голосом, обращаясь к королю:

– Ваше Величество! Мы должны... должны получить от вас больше людей!

Король грустно улыбнулся. Похоже, он надеялся, что с прибытием мощей святого Тертуллиана бароны сами пришлют ему свои войска.

– Вы не заметили, – ответил он, – что Зорр в осаде?

– Он был в осаде, – отрубил барон. – Но сейчас кольцо осады распалось. Король Карл снял большую часть войск и послал их по всей стране!.. А к вам за это время тайными тропами и ночами пробралось немало людей, способных носить оружие!.. Отряды, посланные Карлом, сжигают на своем пути села и шахтные поселки, уничтожают посева, рубят сады, засыпают колодцы. Наши города переполнены беженцами... Мы не можем всех прокормить, но не можем и вытолкать их за ворота... как это наверняка сделали бы в Зорре. Потому мы почтительно, но твердо просим, чтобы вы послали часть войск из Зорра на укрепление... на усиление нашей защиты!

Шарлегайл долго молчал, потом вздрогнул всем телом, словно очнулся от нездешних дум, спросил непонимающе:

– Только вам лично, барон Истаниэль, я посылал дважды по четыреста воинов, из них сто рыцарей. А вообще за этот год я послал из Зорра пять тысяч человек. Где они?

Барон молча смотрел в лицо короля, не отводя взгляда. Ровным голосом произнес:

– Они исполнили свой долг.

– Что?

– Они пошли на такую службу, – объяснил Истаниэль словно ребенку, – где могут убить...

– Но не все же пять тысяч человек?

– У Карла войск больше, – напомнил барон.

В зале наступила нехорошая мертвая тишина. Шарлегайл и барон скрестили взгляды. Истаниэль не отвел взор, а король сказал полным горечи голосом:

– Мои люди погибли... А сколько своих людей вы послали в войско, что должно было находить и уничтожать отряды Карла?

Барон нервно дернул щекой.

– Ваше Величество, мы говорим не о том.

– Не о том?... Мои люди погибли!

– Они воины, – напомнил барон, – а не пахари. Это пахари не должны гибнуть. Сколько вооруженных людей вы сможете послать? Сколько рыцарей?

Король выпрямился в кресле, в глазах разгорался гнев.

– Мои люди погибли, – сказал он резко. – Они ночевали в поле, не успевая отгородиться на ночь, гонялись по лесам за лазутчиками, попадали в засады, а ваши отсиживались за крепкими городскими стенами?... Это не вопрос, это утверждение!

Барон ответил так же резко:

– Мои люди заняты охраной сел и поселков... и они тоже гибнут. Вместе со всеми жителями. Гибнут, сражаясь! А защищать нас от войск Карла – это ваша обязанность, Ваше Величество.

– Я защищаю, – повысил голос король, – опираясь на своих вассалов! Кстати, вы – мои вассалы. Еще не забыли об этом?

Барон коротко поклонился.

– Вы не поняли, Ваше Величество? Мы ждем от вас войск. Наши владения нуждаются в защите. Мы присягали служить вам, но и вы клялись защищать нас. Где эта защита?.. Я не могу уехать без приданного мне войска. Или хотя бы достаточно сильного отряда из рыцарей. Тяжелых рыцарей. Можно придать им, кроме пеших воинов, с десятков арбалетчиков. Но только хороших.

Король саркастически улыбался. Барон перечислял, повышая голос, но, когда он закончил и выпрямился, глядя вызывающе, Шарлегайл лишь устало отмахнулся.

– Вы не видите, что творится, барон? Или все это нарочито?

– Ваше Величество, – заявил Истаниэль твердо, – вы должны дать войско. Это вы здесь отсиживаетесь за крепкими стенами, не ввязываясь в сражения, а мы... мы воюем!

Брат короля прожигал барона ненавидящим взглядом. Мне даже почудилось, что слышу скрип его зубов. Ланселот медленно наливался яростью, а грубый Бернард вдруг громко и отчетливо выругался. Бароны все трое повернули головы в нашу сторону. Гигант смерил Бернарда убийственным взглядом, пальцы стиснули рукоять меча и потащили его из ножен.

Рука Ланселота отодвинула Бернарда, голос рыцаря прозвучал холодно, со смертоносной угрозой:

– Когда мы уезжали за мощами Тертуллиана, с королем так еще не разговаривали. Что-то переменялось?

Его рука опустилась на рукоять меча. Лицо стало белым, ноздри красиво вырезанного носа затрепетали, а в наглых выпуклых глазах заплясало безумие. Он часто и резко задышал. Бернард, Рудольф и Асмер тоже взялись за рукояти оружия, готовые обнажить в любой миг. Поколебавшись, я снял с петли молот и поймал глазами гиганта.

Король грянул с неожиданной мощью:

– Кто обнажит здесь оружие... голову того сегодня же получит палач! Это королевский зал!

Гигант, обнаживший меч до половины, заколебался, глаза его полыхали такой же яростью, как и у Ланселота, но из груди вырвался шумный выдох, рука с грохотом задвинула меч обратно в ножны.

– Ланселот, – прорычал он с угрозой, – ты не будешь здесь сидеть всю жизнь.

Ланселот ответил с холодной надменностью дворянина, разговаривающего с оборванным нищим:

– Да. Потому постарайся не попадаться мне на дороге.

Беольдр прочистил горло, это было похоже на треск падающей кровли, сказал гулко, перекрывая все голоса:

– Ваше Величество... Осмелюсь дать совет. Вопрос сложный, давайте его отложим. Ланселот прибыл... это все-таки событие!

Шарлегайл наклонил голову, а когда поднял, в его глазах уже не осталось гнева.

– Аудиенция закончена, – сказал он голосом, не терпящим возражений. – Мы обдумаем, чем можем помочь... что вообще сделать в наших силах. А пока оставьте нас.

Бароны нехотя поклонились, едва-едва, гигант так и вовсе склонил голову на миллиметр, а когда они направились к выходу, ожег Ланселота ненавидящим взглядом. Ланселот смотрел сквозь него, как сквозь клочок грязного тумана.

Церемониймейстер, как я назвал для себя седого человека с лицом конферансье и его же манерами, подошел к Ланселоту, что-то спросил, кося блеклым глазом в мою сторону. Ланселот скривился, бросил несколько коротких слов, похожих на лай доberman. Церемонщик кивнул, вернулся на свое место и провозгласил громко и торжественно:

– Благородный сэра Ланселот из Горланда, конт Зеленых Островов и лорд Долины Четырех Камней... со своими спутниками и... слугами.

На меня покосился с удивлением Асмер, Рудольф недовольно хрюкнул, даже Бернард шевельнул плечами, только Ланселот и священник неотрывно смотрели на трон. Плевать, подумал я угрюмо. У нас сфера обслуживания давно уже не позорное занятие. Наоборот, там и заработки выше, и власти побольше...

Но все равно, подумал я, уязвили, гады, уязвили. Все-таки я не слуга. Пусть оруженосец, даже не у рыцаря, а всего лишь у Бернарда, но все-таки не слуга.

Король повернул голову и внимательно рассматривал всех нас. Мы всей группой подошли ближе, Ланселот опустил на колено, за ним то же самое проделали Бернард, Рудольф и Асмер, только священник лишь склонил голову, не потрудившись даже согнуть спину. Поколебавшись, я тоже преклонился, хотя, может быть, что-то опять нарушил. Может быть, только рыцари имеют право на преклонение, а я должен стоять в присутствии короля, как стоял бы, скажем, конь или бык.

– Встаньте, доблестный сэра Ланселот, – сказал король ласково. – Мы знаем, что вы проделали долгий и опасный путь. Позвольте поблагодарить вас за то, что вы сделали... Расскажите, все ли там, как... раньше, или же отряды короля Карла, как нам говорят, проникают и в глубь занятых воинами Христа земель?

Ланселот легко и с достоинством поднялся. Лицо его и весь вид дышали уверенностью и благородством.

– Я прошел через королевство Эстию, – сказал он твердым голосом, даже не упомянув, что шел не один, – и через огромный богатый Сокрант, что всегда вызывал зависть соседей крупными городами, пересечением торговых путей, удобными гаванями, богатыми залежами золота и серебра, запасами мрамора... Я шел через некогда цветущие долины, мимо богатейших городов... которых теперь нет, я двигался через золу и пепел, что остались на месте сел и деревень. Ваше Величество, королевство Сокрант уже разорено набегами нечисти настолько, что вряд ли сможет сопротивляться серьезному вторжению! А ведь Сакрант лежит у нас почти что за спиной.

Беольдр громыхнул со своего кресла:

– А тут еще король Арнольд предал... У нас остался для прохода в Срединные Королевства только ненадежный Мордант.

Рядом со мной заворчал священник. Ланселот услышал, поклонился с холодком, голос его зазвучал так, что, заговори замороженная рыба, ее голос показался бы верхом живости:

– Осмелюсь возразить Вашему Высочеству. Король Арнольд поступил как христианин, принес в жертву не только корону, но и свое имя. Кто его сейчас не проклинает?.. А вот насчет прохода в Срединные Королевства вы глубоко правы. У нас дорога теперь только через предательский Мордант.

Беольдр смолчал, только глаза холодно блеснули. Ланселот словами и интонацией дал понять, что Беольдру и для понимания такой простой истины пришлось поднапрячь мозги.

– Но как могли опустошить такую богатую страну? – спросил Шарлегайл. – Ведь мимо застав на кордоне не могли пройти войска. А два-три человека... или два-три тролля... Их забьют кольями простолюдины в первой же деревне!

Ланселот не успел ответить, явно попытался сделать артистическую паузу перед королем, но священник протиснулся вперед, крикнул зло:

– Скверна поселилась в наших душах!.. Достаточно Врагу отыскать ее, и вот уже у него союзники прямо в наших землях!.. Мы видели, как среди здорового сильного леса возникает гниль, что поражает деревья все дальше и дальше... Там даже солнце не светит! Я верю, что в те места может вступать Сатана как на уже захваченную им землю!.. Как на свою. Я зрел своими глазами, как ручьи текут кровью не от битв, а от ран самой земли!.. Птицы падают с

неба мертвыми, рыбы выбрасываются на берег... но все они уже кишат зловонными червями!.. Брат идет на брата, сын – на отца, барон – на короля, а король не думает о стране, а только...

Бернард толкнул его в бок. Это было похоже на удар окованного железом бревна в городские ворота. Священник охнул и повалился на меня. Я в своем железе стоял, как Останкинская башня, только что не горел, но уже начал ржаветь.

Ланселот сказал громко и настойчиво:

– Ваше Величество!.. Нужны экстренные меры. Я уверен, что эти бароны еще не поняли в полной мере, что с нами теперь мощи святого Тертуллиана! Не эти, так другие бароны пришлют войска нам на помощь. Воины воспрянули духом... однако то, что случилось за нашей спиной, резко ухудшило положение Зорра. Король Конрад не просто дружен с Мордантом, он с тем королем даже в родстве! Они наши противники, от них помощи ждать не приходится, а вот кинжал в спину... Ваше Величество! Надо делать что-то еще, кроме как запереться за стенами и отбиваться.

Королева рассматривала его с холодным интересом. Красивым музыкальным голосом, теплым и бесконечно сексуальным, она проворковала:

– Сэр Ланселот, о вас поют как о герое... Но герои хороши для подвигов... Быка вручную, змея толстого задушить, дракона одолеть – вам нет равных! Однако для войны с людьми нужны полководцы. Умные.

Бледное вытянутое лицо рыцаря вспыхнуло, скулы заострились еще больше. В голубых глазах сверкнули искры, словно из-под лезвия меча на механическом точильном камне.

Он слегка поклонился.

– Да, конечно, – прозвучал его холодный голос. – С вашими советами наш король, несомненно, выиграет эту войну.

Беольдр поморщился, бросил недовольный взгляд на прекрасную королеву.

– Оставим колкости, – громыхнул он. – Сэр Ланселот, вы совершили подвиг, доставив мощи святого Тертуллиана. Это не считалось трудным делом, но за короткое время многое изменилось, как вы могли заметить. Вам пришлось пробираться... даже пробиваться с боями через занятые противником земли! Но вот мощи здесь... мой царственный брат вами очень доволен, а народ вас боготворит. Но мы видим, что из-за внезапной потери королевства Галли, нашего тыла и надежного союзника, мы снова повисли на волоске... Только что был военный совет, на котором едва не передрались знатнейшие рыцари. Решения предлагались настолько дикие, настолько дикие...

Шартреза промурлыкала сладким голосом:

– Не все были дикими, благородный сэр Беольдр, не все!

Беольдр сверкнул в ее сторону злыми глазами, я увидел вздувшиеся желваки, но Беольдр смолчал, только повернулся к Ланселоту и вперил в него требовательный взгляд.

В зал вошел запыхавшийся воин. Одежду и доспехи покрывала белая пыль, словно он подрабатывал переноской мешков с мукой. Лицо его тоже было белым, мучнистым, только в глазных яблоках полопались сосуды, а под глазами висели темные мешки.

Шарлегайл тут же повернулся в его сторону всем телом. Лицо побледнело, он спросил порывисто:

– Ну и?..

Воин опустил на одно колено, отвесил поклон, с достоинством поднялся и поклонился еще раз.

– Ваше Величество, – сказал он хриплым пересохшим голосом, – наши наблюдатели доложили верно: король Карл в самом деле начал отводить войска!

Шарлегайл пробормотал:

– Но... почему? Ведь мы... гм... в довольно шатком положении. Он это знает хорошо.

Воин поклонился, а когда поднял голову, лицо его светилось гордостью.

– Нам удалось захватить пленника. От него узнали, что король Карл, еще когда переходил границу, громогласно объявил всему войску, что возьмет Зорр за две недели! Осмелюсь напомнить, что на тринадцатый день доблестный сэр Гарольд даже ездил в лагерь Карла договариваться про условия... гм...

Шарлегайл поморщился, сказал торопливо:

– И что же про эти две недели?

– Две недели истекли, – ответил воин торжественно. – Король Карл велел снять осаду. Вы правы, ему возражали, доказывали, что мы вот-вот падем. Надо продолжать натиск... Но Карл ответил военачальникам, что вера в слова своего короля – великое сокровище. Взять Зорр ценой утраты ценности своего королевского слова – это будет поражением.

Рыцари переглядывались, кивали, им, судя по их мордам, все понятно, только я чувствовал себя несколько ошалелым. Даже Шарлегайл кивнул, сказал понимающе:

– У него еще остались остатки рыцарской чести. Несмотря на присутствие в его войске сил Тьмы, несмотря на обилие колдунов...

– Порочных женщин, – вставил Совнарол испуганно.

Беольдр сказал почтительно:

– Ваше Величество, вы слишком высоко оцениваете Карла. Просто он вынужден считаться с горными баронами. Их люди составляют треть его войска, но это сильнейшие рыцари и свирепые воины! А горные бароны очень чувствительны к вопросам чести, достоинства, верности слову. Можно, конечно, ударить во все колокола и отслужить мессу, однако я бы не убирал усиленную охрану стен и башен.

Шарлегайл спросил с напряжением:

– И куда он теперь? От этого зависит многое...

Беольдр задумался, пожал плечами.

– У него много дорог. Страна открыта... По мощи с Зорром может сравниться только Кельвинт, он лежит в двадцати конных переходах на севере, но Карл к Кельвинту не пойдет. Кельвинт – весь из себя город-крепость, там все на скалах. Не то что сделать подкопы, даже подойти невозможно. Запасы там на много лет, подземные источники бьют прямо в крепости, подвалы забиты зерном и мешками с мукой... Нет, он даже не пойдет в сторону Кельвинта! Пройти мимо, не добившись сдачи, – это урон его славе полководца. Значит, он двинется по широкой дуге в сторону Эстии. Там богатые города, а крепости за ненадобностью в упадке...

Шарлегайл поднял голову, на лице было виноватое выражение. Ланселот учтиво поклонился.

– Прошу позволения удалиться, Ваше Величество. Вам нужно обсудить государственные планы, а нам... нам нужно отдохнуть и быть готовыми к дальнейшему служению Господу Богу, Вашему Величеству и христианскому миру.

Глава 3

Возвращались мы из королевского дворца нестройной толпой, только Ланселот вскоре отделился и ушел в сторону казарм. Бернард хлопнул меня по плечу.

– Вот все и кончилось, Дик!.. – сказал он с подъемом. – Монаршая благодарность – это... это счастье!.. Слушай, зачем ты отрезал клок волос слева?.. Что за мода пошла дурацкая? Ты стал похож на мордантца. Теперь режь и справа, а то некрасиво...

Я потрогал волосы – за время путешествия зарос, как орангутанг в Московском зоопарке.

– Вот уж не думал, что здесь кого-то тревожат понятия красоты... А волосы, кстати, я не обрезал.

Бернард посерьезнел.

– А куда ж делись?

Я двинул плечами.

– Откуда я знаю? Лег спать с целыми.

– Точно?

– Я что, себя не знаю?

Наступило молчание. Бернард посерьезнел, а Рудольф и Асмер подтянулись, смотрели на меня во все глаза. Священник ухватился за крест и забормотал молитву. Но во взгляде, что бросил на меня, впервые не блеснула ненависть.

Бернард покачал головой. Это было устрашающе, будто на горе раскачивался газгольдер, готовый рухнуть.

– Бедный Дик... Что на тебя только не сваливается!

– Да что случилось? – взмолился я.

Бернард развел бровями, что у него назывались руками. Асмер, как самый словоохотливый, объяснил очень серьезно:

– Когда кому-то хотят серьезно навредить, то стараются заполучить прядь его волос. Так колдуны обретают власть над душой... Правда, отец Совнарол?

Священник вздрогнул, выкрикнул:

– Нет! Если вера крепка... Если вера крепка, то сын Божий сможет попать все происки Врага!.. Попать нетрудно, если верить в силу Христа...

– А если вера не очень крепка? – спросил Бернард. – Правда, тогда и без срезания чужих волос можно... Дик, ты был весь мокрый, когда мы вломились к тебе... Что снилось? Кошмары?

Я признался неохотно:

– Да. Черная страшная сила... Я думал, схокну от страха.

Бернард требовательно посмотрел на Совнарола. Тот с неохотой пожал плечами, буркнул:

– Человек новый, вот и набросились. Выстоит, через пару дней его перестанут замечать.

Я вздрогнул. Волосы срезал тот вор, что пытался украсть еще и молот. Значит, его посылали только за волосами, а про молот ему ничего не сказали. Инициатива, как известно, наказуема. Но, с другой стороны, уже то, что с меня срезали для колдовских целей волосы, доказывает этим людям, что я пока еще не на стороне Зла. Даже Совнарол снизошел до разговора со мной, а это многое значит.

– Отец Совнарол, – льстиво сказал я, куя металл, пока мягкий, – не пугайте меня. Я слишком мал, чтобы такого комара вообще замечали. Простолюдин, что вы хотите!

Иронию он заметил вряд ли, с самым высокопарным видом покачал головой. От лысины блестящие зайчики побежали по стене дома напротив.

– Это люди, – сказал он строго, – разделили себя на малых и больших, знатных и простолюдинов... Но для Бога нет ни малых, ни больших. Перед Богом все равны.

Меня перекосило: ненавижу слушать правильные слова из уст дураков или попов. Но стерпел, даже поддакнул:

– Как хорошо вы все говорите! Я это и раньше слышал, только не задумывался. А вот вы говорите, как настоящий пророк. Я сразу все понял. И даже уразумел.

– Разуметь надо сердцем, – поправил он уже снисходительнее, – а голова здесь ни при чем.

– Но это, – сказал я робко, – как вы говорите, только для Бога нет ни малых, ни слабых...

Снова он врубился сразу, что значит – богослов, это не мечом махать, зыркнул на меня злобно и отрезал еще злобнее:

– Не только для Бога, но и для Тьмы! Если бы Владыка Тьмы был так же глуп, как люди, его бы уже одолели. Но он знает, что даже самый малый человек способен перевернуть мир! И способен нанести ему поражение. Потому он обращает внимание на всех. Да-да, настоящая битва идет за души всех. Только короли в своем невежестве считают важными лишь головы с коронами.

Я сказал на это только «гм» и «кхе-кхе», потому что такие вещи может говорить, наверное, только сумасшедший или священник. Или коммунист.

– Ладно, – сказал я, – не помню, говорил я вам или нет, но пару раз за время нашего похода со мной разговаривал сам князь Зла!.. По крайней мере, он не отказывался, что он и есть Сатана. И он не убил меня. Почему?

Священник отвел взгляд в сторону.

– Ну, я не уверен, что ты разговаривал с самим Князем... но это неважно, его полководцы говорят те же слова. А не убил потому, что одним меднолобым больше, одним меньше... Зато душа твоя стоит явно дороже. Вообще любая душа неизмеримо ценнее мускулов и железа на этих мускулах. Ну станет у него на одного противника меньше сейчас... Но ты уж наверняка уйдешь в ряды небесного воинства!.. И укрепишь ряды для будущей битвы, последней и окончательной... Князю Тьмы очень хотелось бы поколебать тебя, ибо душа твоя в этом теле... возможно, более великий воин, чем твое тело в этих доспехах. И вообще Сатана никого не убивает сам. Он – Соблазнитель, это его самый страшный и самый разящий меч!

Бернард ничего не понял, сказал обидчиво:

– Ты чего такое говоришь на моего оруженосца? Он дрался хорошо.

– Цыц, – сказал священник строго. – Это ты, дурень, в своем невежестве полагаешь, что война полыхает за земли, за власть, за золото... Но так думают простолюдины. Да-да, простолюдины! Неважно, на тронах они сидят до кровавых пузырей или пашут землю. Простолюдины – те, кто... прост. Главная война – за души людские! Это вы в своем железе одинаковые, как гвозди для подков, но души у вас настолько разные... Есть с гору, есть с маковое зернышко, есть светлые, есть черные, а сколько продажных душ, прожженных, подлых, замаранных, фальшивых?

Бернард сказал с интересом:

– А что за душа у Дика?

– Если она у него есть, – ответил Совнарол зло. – А если и есть, то за семью печатями. Закрыта для Добра и Зла. А это и есть самый страшный человек на свете... Возможно, этот... которого вы приютили так неосторожно... и есть тот самый Антихрист, которого весь мир ждет с трепетом и страхом!

Бернард посмотрел на меня, заскучал от умных разговоров, в которых ничего понять невозможно, махнул рукой и указал на ближайшую таверну.

Из таверны, уже будучи навеселе, все мы возвращались поздно вечером. Солнце опустилось за городскую стену, великолепный кровавый закат медленно угасал, а с восточной части неба поднималась бледная как призрак луна. Рудольф явно хотел обнять меня, сиротку, за

плечи, но почему-то не решился. На постой меня определили к нему, и теперь он вел меня в свой дом. Пожить пока, а дальше будет видно. Перед дверью я долго вытряхивал пыль, а в доме смывал грязь и пот, присматривался, прислушивался к разговору слуг.

Дом Рудольфа не богат, но и не беден: просторные сени, широкая горница, кухня, чулан и две боковушки. Окна аккуратно затянуты настоящим бычьим пузырем, чистым, промытым, а очаг посреди горницы, что в земляном полу, огорожен массивными камнями.

В потолке дыра, куда выходит дым, свисают черные космы копоти на паутине, а на длинных поперечных балках раскачиваются окорока кабанов, медведей, оленей, там же копятся широкие кольца колбас, вырезки из воловьих и лосиных хребтов.

На полках, называемых мисниками, ровным рядом стоят глиняные и даже две оловянные кружки. Ложки все как одна из хорошего дерева, половина расписана яркими цветами и покрыта лаком.

Чтобы стены не казались пустыми, Рудольф велел повесить везде крест-накрест добытые в бою мечи, копыя, сулицы, дротики, секиры и боевые топоры. Когда стена заполнилась, на другую повесили, чтобы не выглядела сиротой, все щиты и даже конскую сбрую.

Когда топят, горница, конечно же, наполняется едким дымом, оружие быстро чернеет, слугам все чистить и держать в порядке, зато рукоять боевого топора не переломится в бою лишь потому, что ее изнутри прогрыз проклятый жук-дровосек.

Обедать – это я тоже врубился сразу – садятся за общий стол в горнице, не делая различия между хозяевами и челядью. Стол из простых сосновых досок не ломится от еды, как не ломились и сосновые лавки под тяжестью исхудавших поселян, однако достаток есть, есть.

Я сложил свои нехитрые пожитки, посмотрел, как устроили коня, все работают как муравьи, все знают свое дело, свои обязанности, все кому-то принадлежат, и затем вышел в город.

Бернард – когда же он спит? – с двумя мастерами отбирал в городской оружейной палате оружие для молодых воинов.

– Что делать? – повторил он мой вопрос. Мне послышалось далекое грохотание в тучах. – Я нашел было тебе занятие... все-таки ты мой оруженосец, но умные люди отговорили. Ты ведь больше пользы принес, когда... словом, когда тобой не управляли. Не указывали, что делать, какого коня какой щеткой скрести. И меч добыл, и Галахада отыскал... ну ладно, наткнулся случайно, но все же сам... Так что пока походи на длинной веревке. Надо будет, укоротим. На недельку свободен, понял? Знакомься с нашим королевством. Боюсь, твое время придет раньше, чем ты думаешь...

Я кивнул, пряча глаза. Как же, как же, я помню про святейшую инквизицию. У них суд скор, как у наших чекистов с их революционной бдительностью.

– Хорошо, – сказал я с готовностью, – попробую быть полезным. Да что там попробую, постараюсь! Но, Бернард, ты знаешь, я здесь новый, могу ляпнуть глупость... даже оскорбительную глупость! Но это не со зла или из желания ляпнуть или наляпать, понимаешь, а по невежеству. А невежи угодны Господу, помнишь?.. Так что не сердись, ответь мне, пожалуйста, кто такие оборотники?

Молодые воины услышали, отпрянули. На их лицах были написаны стыд и отвращение, а на Бернарда они смотрели с явным изумлением. Бернард перекосялся в злой гримасе.

– Я уже жалею, что тебя взяли!

– Бернард, ты только ответь, – сказал я умильно, – и я сразу от тебя отстану.

Бернард опустил ладонь на рукоять ножа, взгляд скользнул по моему открытому горлу.

– Я знаю и другой способ, чтобы ты отстал. Навсегда.

– Ты этого не сделаешь, – ответил я торопливо. Лоб покрылся испариной, а голос дрогнул от осознания, что Бернард в самом деле может зарезать легко и просто, как режет овец.

Конечно, просто пугает, но все-таки в этом мире в самом деле слово и дело стоят рядом. – Я ведь не враг!.. Я еще могу пригодиться.

Бернард выдохнул, плечи опустились.

– Да, сейчас каждая пара рук дорога. Ладно, парень, живи. Но больше никого не спрашивай, кто такие оборотники. В крепости не все такие ангелы, как я.

Я трусливо уронил взгляд. Если Бернард – ангел, то весьма и весьма гневный ангел. Если есть такие волосатые ангелы.

– Ладно, – сказал я и сделал осторожный шаг назад. – Я пойду, ладно?

– Иди, – буркнул Бернард. Потом, видя мое смирение, бросил вдогонку: – Мой тебе совет – никого не расспрашивай про них! Понял?

Я покачал головой:

– Не понял, но все равно не буду. Мне жизнь дорога.

– Жизнь что, – сказал Бернард зло, – ты душу береги!.. Оборотники больше опасны душе, чем плоти. Ведь жену того мужика не убили, а околдовали!.. А единственный правильный путь борьбы с оборотниками – не говори о них, не думай о них, а едва где встретишь – убивай, пока они не успели раскрыть рта.

Я кивнул.

– Так бы и сказал. Только не понял, почему о них нельзя говорить даже между собой?

– Потому что это тоже как-то дает им силы! Понял? К ним надо как к крысам. Только тогда будешь сильнее, а они – слабее.

На улице я постоял, подумал, оглядывая двор. Прошла миленькая девушка, улыбнулась мне тихо и застенчиво. На палочке проскакал мальчишка, остановился передо мной, выдохнул изумленно:

– Ого! Вот это рост!.. Ты огр?

Я подумал, пожал плечами:

– Да вроде бы нет. А что, похож?

– В точности, – заверил мальчишка. – Тогда ты из благородных?

– Гм, – ответил я, – интересный выбор: либо огр, либо благородный. А чем лучше быть благородным?.. Я вот из простонародья.

– Фи, – сказал мальчишка. – У простонародья красная кровь и черные кости!

Я в удивлении развел руками.

– А у тебя какая?

– Голубая, – ответил он. – Голубая кровь!

И в доказательство засучил рукава и с гордостью показал маленькие детские вены, в самом деле почти голубые.

– Голубая кровь, – повторил я задумчиво, в голове мелькнуло что-то из классиков, но что, не вспомнил, – и белые кости... да?

– Да, – ответил он гордо, – я – благородный!

А вот Асмер живет в достатке, определил я, когда подошел к его дому. Можно сказать, в сравнении с Рудольфом купается в роскоши. Окна в его горницах из пластин рога, распиленного и отшлифованного до толщины тончайшей льдинки, и через них виден не только свет факелов за окном, но можно различать даже людей и коней.

Вместо очага, что у Рудольфа, здесь настоящая печь, жарко полыхают две жаровни, а сам пол не земляной, не глиняный, а из настоящих досок, плотно подогнанных так, что в щель не просунуть и палец. Сам пол блистает, гладко выструганный и вымытый, от него пахнет сеном.

На широких мисниках, кроме глиняных кувшинов, три медные миски и тарелки. Все оловянные, есть даже медные, а из ложек я заметил одну серебряную. В опочивальне пол покры-

вают огромные рыжие туры и серые медвежьи шкуры, а во второй горнице, где Асмер изволил трапезовать, у стола кабаньи шкуры с толстой кожей и негнущейся щетиной.

В боковой комнате ровными рядами висят связки лисьих и куньих шкур. Волчьи и бобровые хранятся отдельно, рядом с сушильной, где желтыми восковыми кругами громоздятся глыбы сыра, дальше тянутся бочки меда, воска, муки, корзины с сушеными грибами.

На меня начали коситься с подозрением – слишком долго брожу и все рассматриваю. Пожилая женщина наконец вспомнила, где сейчас может быть их хозяин, явно соврала, ибо я убил не меньше часа на поиски, а потом Асмер сам заявился домой, сытый и чуть пьяный. Я поспешно перехватил его в коридоре, вытащил в просторный холл, где на стенах висит во всей жуткой красе весь арсенал, еще страшнее, чем у Рудольфа, прошептал:

– Асмер, выручай! Здесь ты выглядишь прямо Аристотелем среди спартанцев и разных троянцев. Это значит, умный ты, понял? Ну, выглядишь умным. А раз умный, ты не бросайся на меня с кулаками, ладно? И руку от ножа убери. И вообще лучше отойди подальше от этой стены, на нее смотреть страшно...

Асмер хоть и умный, но понял мои слова насчет стены как шутку, кто ж из нормальных мужчин не смотрит на стену с оружием без капанья слюней из пасти и состояния, близкого к оргазму.

– Ну, – поощрил он, – говори. Пока убивать не буду.

– Асмер, – сказал я осторожно, – мы еще когда везли мощи... знал бы, что там камни, кто б меня заставил тащить телегу, как я ее тащил?.. Так вот ты как-то ругнулся одним нехорошим словом... потом я его слышал от Бернарда... А здесь, когда я пытался у одного спросить, кто такие эти... ну... Асмер, держи себя в руках!.. спросить, кто такие оборотники, он меня чуть не убил!

Асмер поморщился: одно дело назвать кого-то дерьмом, другое – рассказывать подробно состав этого дерьма, объяснять цвет и запах.

– Да знаю, у кого ты спрашивал. Уже слышал...

Я поежился.

– Что, все уже знают?

– Да нет, – успокоил он, – просто это мой приятель. У него оборотники увели жену. Нет, не убили, а просто соблазнили и увели. До этого на их ладную семью любовались, ставили в пример, никто бы не подумал, что она может уйти... добровольно. И сколько ему ни объясняли, что оборотники пользуются нечистыми чарами, он все равно в ярости, винит себя, а если удастся где изловить оборотника, то он там первый...

– Зачем? – спросил я наивно.

Асмер взглянул с изумлением. Усмехнулся.

– К оборотникам неприменимы обычные нормы чести. Их можно пытаться и казнить, несмотря даже на то, что на ином оборотнике могут быть хорошие доспехи и подлинный рыцарский пояс.

– Ого, – сказал я, мотая на ус, что оборотники могут занимать высокие посты. – Жесткая у вас идет чистка рядов.

Асмер зло отмахнулся.

– Если тебе так не терпится узнать о них побольше, иди к Беольдру. Хотя не знаю, зачем тебе такая гадость! Их надо убивать, убивать и убивать, как только увидишь.

Мое сердце радостно застучало.

– А где этот Беольдр? Во дворце?

– В оружейной, понятно, – буркнул Асмер. – В королевской.

– Еще не спит?

– Я не знаю, ложится ли он когда вообще!

Гремя железом, он прошел в дом, я слышал за дверью радостные восклицания слуг. А я тихонько выскользнул из дома. Где находится главная королевская оружейная, уже знаю, видел.

У меня все-таки чересчур современное представление о королевстве, королях и обо всем, что с ними в сцепке. Элитное даже, а то и элитарное. Подсознательно королевскую оружейную представляю как петербургский арсенал времен Петра Великого, а то и Николая Второго, забывая, что королевства в Европе в основном бывали мельче и беднее скотного двора захудалого русского помещика, но все-таки гордо звались королевствами. Это у нас княжества занимали территории, где могли бы разместиться пять Франций и семь Англий, не говоря уже про всякие Нидерланды, и армии могли выставить по сто тысяч человек, в том числе конные, пешие и морские силы, но с русской уничижительностью перед иностранным именовались всего лишь княжествами...

Королевская оружейная занимала небольшой одноэтажный дом, продолговатый, с решетками на окнах. В ней пахло железом и смертью. Чтобы в нее попасть, пришлось пройти через две просторнейшие кузницы, где в багровом тумане страшно лупили по багровым полосам железа огромные молоты. От могучих фигур молотобойцев несло таким жаром, словно их тоже недавно сковали из раскаленного металла. Подручные то и дело уносили исправленное оружие в оружейную, а оттуда несли, как я понял, на перековку. Плечи передернулись – все железо хранит следы от рубящего, колющего, клюющего, а то и вовсе смяты неведомой силой, покрыты окалиной, изъедены глубокими оспинами, будто попали под дождь из кислоты.

В королевской оружейной под стеной расположилось с десяток примитивных станков, за ними трудились десять мастеров и пятеро подмастерьев. Я успел увидеть, с какой скоростью из-под их рук выходят доспехи, кольчуги, шлемы.

Я поспрашивал Беольдра, но королевского брата в оружейной не оказалось. Мое сердце упало, он мог в такое позднее время забрести и в таверну, там кроме вина есть и женщины, но мне кивнули на большую комнату на той стороне мастерской. Ее можно бы назвать складом, вдоль стен угрюмо стоят, связанные пучками, как снопы, охапки копий и дротиков, на лавках и широких столах высятся кучи топоров, мечей, кинжалов – уже поправленные, со следами жестоких ударов по железу... а на стенах... на стенах – настоящее оружие!

Я сразу понял, что это и есть оружие героев. Даже я, интеллигент, хуже того – русский интеллигент, как бы стыдливо ни отрещивался от этого позорнейшего из прозвищ, но и я постоял с раскрытым ртом, глядя на все эти лезвия, рукояти, кольца, на весь этот блеск и всю эту гремящую мощь. Вообще-то сама интеллигентность на человеке – такая тонкая шкурка, а уж разновидность русской интеллигентности так и вовсе тоньше пленки мыльного пузыря, а что под этой пленкой, уже видно хотя бы по мне: убиваю и не дрогну веком. Даже ресницей не дрогну.

Из этой особой оружейной вела еще одна дверь – явно маленькая кладовка. Оттуда, пригибаясь, вышел непомерно высокий человек с черными волосами до плеч. Я вздрогнул и отступил, мужчина оказался на голову выше, неимоверно худ, но широкие плечи и толстые жилы говорили о немалой силе. На широком поясе – меч и два ножа.

– Здравствуйте, – сказал я торопливо. – Простите, сэр Беольдр, я вас не узнал сразу. Здесь вы совсем другой, чем рядом с королем в тронном зале. Собственно, о чем это я? Простите, увидел вас, сразу все из головы выпорхнуло при виде вашего величия... вы, как царь Петр, что все сам, все сам! И ковал, и лепил, и бороды резал. О вас, ваша милость, говорят, что вы самый большой знаток того, что делается за стенами крепости.

Беольдр хмыкнул.

– Так говорят?

– Да, – солгал я снова, а потом подумал, что это, возможно, и не ложь вовсе. – Не знаю только, почему...

Беольдр смерил меня недружелюбным взглядом.

– Потому, что только я могу общаться с нечистью и не пачкаться! Понял? Конечно, кто-нибудь может еще, я не один такой, но король не хочет рисковать. Священник сказал, что к алмазу никакая грязь не пристаёт! Понял?

– Понял, – ответил я с великим уважением. – Вы в самом деле... подвижник!

– Что-что?

– Я говорю, – сказал я торопливо, – что уйти в пещеру и там предаваться аскезе могут многие... ну, пусть не многие, но все-таки таких десятки, если не сотни. Но жить среди людей, среди не совсем чистых и не совсем честных, среди толстых распутных баб и оставаться целомудренным... Я преклоняюсь, сэр!

Он с небрежностью отмахнулся.

– Что ты хочешь?

– Поехать с вами, сэр!

Глаза его хмуро блеснули. Он смерил меня подозрительным взглядом.

– Ты?

– Сэр, – сказал я торопливо, – я небольшая потеря, если меня там сожрут или как-то еще сгину в хищных лапах оборотников. У меня здесь никого нет, я не оставлю рыдающую вдову и кучу голодных детей. И воин из меня еще никакой... Зато я, человек из дальних земель, может быть, увижу такое, что не видите вы...

Он насупился, но грудь, напротив, раздалась, словно для недовольного рыка. Но брат короля сдержался, спросил коротко, хотя угрозу я все равно уловил:

– Почему это?

– Глаза замыливаются, – ответил я еще торопливее. – Привычное перестаём замечать. Вдруг я..

Он смотрел вопросительно, но я умолк. Он помолчал, качнул огромной, как башня танка, головой.

– Мне говорили... ты в поездке оказался полезен.

– Нехорошо хвастаться, – ответил я скромно, – но я оказался даже очень полезен... Как я понял, оборотники – это такие дилеры, да? Нет, даже просто посредники. Мы привозим им свои вещи и договариваемся, что хотим получить. А оборотники договариваются с гномами, эльфами и прочими... потомками неандертальцев. Конечно, снимают свой процент... которого мы не знаем. Может быть, это вообще выше крыши. А не проще ли кинуть посредника...

– Как? – не понял он.

– Лучше через что, – ответил я. – Посредники нужны только на начальных этапах, потом от них избавляются. Экономится немалая часть прибыли, исчезает эффект испорченного телефона. Да и все в своих руках, не зависишь от такого-то... оборотника.

Он уже готовился возражать, но, когда я сказал, что можно будет не зависеть от проклятых оборотников, задумался.

– Да, – вымолвил наконец, – да... Не зависеть от этих гадов, что еще хуже тварей, с которыми торгуем... Но, с другой стороны...

– Что? – спросил я. – Что не нравится?

– Но тогда ж придется общаться с гадами самим, – ответил он с омерзением. – А Святая Церковь не допустит, чтобы мы пали так низко. Оборотники – хотя бы люди... или в людской личине! А там вовсе рожь... Нет, парень, я не могу тебя взять. Это будет преступлением.

– У меня не самые лучшие доспехи, – сказал я с отчаянием, – и я не самый лучший в мире боец... Но у меня хороший конь, что умеет сражаться лучше меня... у меня меч, выкованный гномами!.. и молот, который сокрушит любого, будь он хоть трижды оборотником, перевертником или кувыркальником! Клянусь, ваша милость, у вас не было еще такого верного и преданного спутника.

Он внимательно рассматривал меня из-под широких кустистых бровей, похожих на ветви терновника. В глазах блеснули хищные искры, ноздри дернулись, но сказал ровным спокойным голосом:

– В таких поездках у меня вообще не бывает спутников.

– Так вы берете меня с собой?

– Нет, – отрезал он. И добавил сурово: – Но я разрешаю тебе ехать, если тебя отпускает твой хозяин.

– Отлично, – выдохнул я. – Бернард дал мне недельку на отдых.

Он покачал головой.

– Отдых? Что за странное слово...

Глава 4

На другой день утром я зачарованно рассматривал копьё, настоящее рыцарское копьё: длинное, толстое, с широким стальным острием, а на середине древка – чашеобразный упор для руки. Вообще-то я уже видел копьё, даже рыцарские, но это же настоящее дерево, а не копьё! Я читал, что копьё Ахилла было целиком из молодого ясеня, но я понимаю, что тому ясеню могло быть пару лет отроду, и все дерево доросло мне до колена, но это... это же настоящая секвойя!

Беольдр посмотрел на мое восторженное лицо, буркнул:

– До копьё ты еще не дорос. Подай мне.

Рыцарское копьё, вспомнил я, такой же признак рыцаря, как и золоченые шпоры или рыцарский пояс. А я рылом не вышел для благородного оружия. Правда, на фиг копьё тому, у кого гранатомет... то бишь, летающий молот?

Оруженосец Беольдра хмуро швырнул на стол вязаную рубашку, кафтан из толстого полотна, кольчугу.

– Наденешь под доспех, – распорядился он с неприязнью.

– Спасибо, – сказал я. – Не сердись, в другой раз господин возьмет тебя.

Он молча отвернулся, внес и опустил на лавку щит, овальный, с выемкой вместо левого верхнего края. Странный герб: три башни на черном фоне, из башен бьют лучи наподобие лазерных. Или прожекторных.

– Что за герб? – рискнул я спросить, но слуга ушел молча, а Беольдр взглянул с недоумением и продолжал долгий процесс облачения в железо.

Я подумал, что это явно трофей, вот следы ударом топора, но щит неплох, из хорошего дерева, металлические полосы окантовки широки и прибиты толстыми гвоздями. С внутренней стороны концы аккуратно загнуты, так что не выпадут.

Кольчуга простая, из стальных колец, кольца показались крупноваты, зато шлем с крыльями по бокам, закрывающими уши и челюсти, настоящее стальное забрало с простой щелью для глаз. Оруженосец помог Беольдру свести вместе и застегнуть железные пластины на спине, потом с явной неохотой помог мне, но долг есть долг, я еду с его хозяином в опасный лес, а значит, в этот момент я несколько выше. И, кроме того, могу пригодиться его хозяину. А когда вернусь, ко мне можно будет придраться в пивной и дать в морду.

Я чувствовал себя глупо, когда поднимался на жеребца с высокого седального камня. В походе со святыми мощами я научился не только кое-как влезать на коня, но к концу поездки вообще вскакивал с разбегу, благо рост позволял, но здесь и конь таков, что язык не поворачивается назвать лошадьё, и вместо тонкой полотняной рубашки – толстый свитер, поверх которого стальной корпус доспехов, больше похожий на танковую броню.

Беольдр вообще взобрался на коня с помощью двух оруженосцев. В блистающих доспехах он выглядел как башня из железа. С плеч спадал широкий красный плащ с крестом на спине, конь оказался им укрыт по самую репицу хвоста.

– Не передумал? – прогудел он. Забрало оставалось поднятым, но голос все равно стал еще гуще, словно резонировал в Царь-колоколе. – А то можно и остаться...

– Одно непонятно, – просипел я.

– Что?

– Что делать, когда спина чешется?

Он захохотал гулко, конь под ним качнулся и двинулся к выходу из замка. Мы выехали из ворот замка, воины молча салютовали Беольдру. На него смотрели с обожанием, но и я уловил пару заинтересованных взглядов. Конь мой почти не уступает беольдровскому, да и я ненамного мельче этого гиганта.

У городских ворот нас ждали два тяжело нагруженных коня. Раздутые седельные мешки свисали с обеих сторон, с такими конями в густом лесу не пройти. Беольдр кивнул, жестом велел мне взять их на длинный повод.

Начальник стражи предупредил, что ночью подходила стая слишком крупных волков – явно оборотни. С рассветом ушли, но могут затаиться в лесу. Беольдр поблагодарил, на что ошарашенные стражи прокричали что-то вроде «Рады стараться, ваше благородие!».

Дорога от Зорра пошла прямо к лесу, но Беольдр свернул на менее протоптанную, что пугливо огибала темную громаду деревьев по широкой дуге. Как ни отважен Беольдр, подумал я с уважением, но не дурак, напрасно в драки не лезет. Простые волки или оборотни, но мудрее все решать без драки.

Деревья стояли ровно и настолько плотно одно к другому, что казались стеной, за которой скрывается неведомый мир. Пахло прохладой, прелыми листьями. Я в самом деле ощутил, как все тело чешется, вязаная рубашка от пота уже липкая, словно ее вывозили в сырой глине.

Беольдр пустил коня вдоль этой древесной стены, так похожей на городскую, я торопливо ткнул своего коня пятками в бока. Проехали не дальше, чем на полет стрелы, в глаза бросился зияющий пролом в стене леса. Одно громадное дерево, в три обхвата, рухнуло, сгнило, рассыпалось в коричневую пыль, но меня не оставляло ощущение, что это именно пролом. Не может такое дерево вот так просто сгинуть. Не засохнуть, не сгнить на корню, не превратиться в ржавую пыль, не оставив после себя даже долго гниющего ствола – убежища жуков, долгоножек, муравьев, сколопендр и кивсяков.

Конь радостно вломился из сухого мира безжалостного солнца в мир влажный и темный. За передней линией деревьев я заметил такие же великаны, но между ними мелькнула и спряталась протоптанная тропка...

Волосы на затылке зашевелились раньше, чем я понял, что напугало. Тропка явно звериная, но я уже умею издали отличать следы копыт кабана от копыт оленя, а здесь на утоптанной до твердости камня земле ясно видны царапины от гигантских когтей. Судя по расстоянию между когтями, зверь ростом с моего коня.

Я сказал дрожащим голосом:

– Ваша милость, мне кажется... за нами следят...

Беольдр ответил, не поворачивая головы:

– Конечно! Вот оттуда и вон оттуда!

Я вздохнул, сказал с укором:

– Ваша милость умеет подбодрить...

Мы не проехали еще и десяток миль, а я в этих доспехах уже устал, все тело ноет, кости стонут, вдобавок зачем-то хотелось есть. Беольдр со своим конем двигались впереди все такие же ровные, недвижимые, не человек и конь, а статуя из металла. Я тихонько простонал от жалости к самому себе. В моем мегаполисе мускулы совсем не нужны, скорее, наоборот, мишень для насмешек, мы ж все – интеллектуалы, у нас чем меньше мышц – тем интеллектуальнее. По крайней мере, злее к тем, у кого они есть. В мегаполисе спокойно, защищено, за всем следит милиция, а как бы много я ни проработал, сидя в уютном кресле, никогда так не уставал, как сейчас за одну поездку.

Я тихонько всхлипнул от жалости к себе. Рука дернулась, чтобы вытереть слезы. Железная перчатка звонко стукнула по опущенному забралу. Я сердито поднял решетку, неуклюже потыкал пальцем, ловя слезинку.

Беольдр, не оборачиваясь, бросил:

– Опusti забрало!

Я сказал сердито:

– Так никого же нет! Успею, как только где хрустнет хотя бы ветка...

Беольдр неожиданно согласился:

– Как хочешь. Меньше мороки будет.

Я вспомнил разговоры прислуги, что привезли в замок любимчика, который оказал какую-то услугу принцессе, и теперь с ним нянчатся, особые условия создают...

Беольдр даже заставил коня идти быстрее, словно хотел, чтобы новичок отстал и заблудился, чтоб его волки съели, но только бы избавить настоящих мужчин от такой обузы. Я всхлипнул уже молча, тряхнул головой и тут же пожалел об этом, ибо железная пластина с прорезями для глаз опустилась с громким металлическим лязгом, и Беольдр наверняка услышал.

Беольдр ехал в задумчивости, но, когда дорога пошла в гору, встрепенулся, железо громынуло, а конь фыркнул и раздраженно мотнул гривой.

– От этой горки, – сказал он, – осталось всего с полмили...

– А как будем меняться? – спросил я.

– Как? Сойдемся, поторгуюемся...

– Ого, – проговорил я, – а я слышал, что надо положить в условленном месте, а на другой день забрать... Так меняли стеклянные бусы на золотые самородки. Или жемчужины.

– Какой же дурак станет менять стеклянные бусы, – удивился Беольдр, – на золото? Разве что золота привезут гору...

Я вспомнил, что когда начали добывать алюминий, то королевы из него делали брошки, ибо алюминий был тогда в сотни раз дороже золота. Похоже, здесь те же проблемы со стеклом.

– Гм, – сказал я, – гм... Но с ними можно вот так? Напрямую?

– Разве что с гномами, – объяснил Беольдр. – Да с эльфами. Гномы да эльфы – просто лесной народ, а не какая-то нечисть. Потому с ними можно общаться, хотя священник и смотрит косо. Не запрещает, но и не разрешает.

– А как?

– Осуждает, – пояснил Беольдр. – Просто осуждает.

Я хотел почесать затылок, но железные пальцы со стуком ударились о стальной шлем. Впереди Беольдр остановил коня. Я видел, что он осматривался, не понял, в чем дело, пока не подъехал ближе. Тропку перегородила паутина. Серебристая паутина, на такую часто натыкаешься в подмосковных лесах. Симметричная, ажурная... нет, с нитями толщиной в палец не выглядит ажурной. Из «Что, где, когда...» знаю, что любая паутинка в сотни раз прочнее самой высокосортной стали того же диаметра, так что на преградивших дорогу нитях можно подвешивать целые гирлянды сверхтяжелых танков. А если еще и клей на нитях под стать паутине...

– Придется возвращаться до поворота, – зло сказал Беольдр. – Грузные кони не пройдут...

– Да и мы, – пробормотал я.

– В прошлый раз этого не было, – сказал Беольдр раздраженно. – Наглеет нечисть, наглеет...

– Что-то новое пробралось в эти леса?

– Как видишь.

Деревья с обеих сторон тропки стоят плотно, не продерешься. А продерешься, так дальше завалы, вывороченные деревья корнями кверху, вершинки – как нацеленные в тебя пики и острейшие сучья, что смотрят как рога носорогов, выискивая уязвимые места, чтобы вспороть брюхо мне и моему коню.

Я вытащил молот из мешка. Глаза Беольдра сузились, пальцы легли на рукоять меча. Рукоять показалась мне теплой, молот ластился, как верный пес. Я швырнул, держа глазами ствол в два обхвата, на уровне моих колен, если бы стоял на земле, именно там прикреплена самая толстая нить...

Молот вспорол воздух с треском взлетающей стаи голубей. Затем сильный удар, земля дрогнула, оглушающий сухой треск. Во все стороны брызнули оранжевые как медовые соты

осколки, а могучий ствол подпрыгнул и осел на пень, затем начал медленно клониться в нашу сторону...

– Назад! – заорал Беольдр дико.

Поворачивать было некогда, он заставил коня пятиться, дерево падало, казалось, прямо на нас, я застыл с открытым ртом... Дерево с грохотом повалилось наискось тропинки. К счастью, в таких лесах ветки собираются как можно ближе к вершинам, чтобы захватить побольше солнца, так что дорогу сейчас преградило только толстое бревно, а ветки оказались там, дальше. Внизу из-под сбитой щепы злобно блестели остатки паутины, что-то зашелестело. Я увидел мохнатую ногу с коготками на концах. Нога выглядела размером с кошачью.

Беольдр слез с коня и, взяв под уздцы, заставил перебраться на ту сторону бревна. Я кое-как засунул трясушимися руками молот в мешок. Довыпендривался, идиот, позер. Конь за мной не шел, упирался, я изо всех сил тащил его за узду, едва не оторвал голову, и только тогда этот серый гигант изволил перешагнуть бревно, хотя ему с его ростом это проще, чем мне в моей бронетранспортерной броне.

Беольдр не промолвил ни слова. Я ехал за ним, стараясь понять, как он расценил мой поступок – как молодецкий или дурацкий? Конечно, с моей точки зрения понятно, что это за поступок, но здесь, в рыцарском мире, логика наверняка иная...

Из глубины леса то и дело раздавался далекий вой. Беольдр не обращал внимания, я наконец перестал вздрагивать, и тут Беольдр, не останавливая коня, спокойно вытащил меч. Я посмотрел на его металлическую фигуру, по коже пробежал озноб. Это он весь в железе, а я... все равно я голый даже в железе. И мне страшно.

За деревьями явно что-то пряталось. Нет, хуже: перебежало от ствола к стволу. Пока волки воют вдали, отвлекая внимание, мол, мы ж очень далеко, расслабьтесь, их сообщники уже тут, уже подкрадываются. Я начал всматриваться в полутьму, волосы зашевелились, словно прорастают, как при ускоренной съемке. Там не перебежало, а перебежали. Десятки странных тварей. Даже я, человек моего века, то есть без осязания, обоняния, с ослабленным зрением от сидения перед дисплеем и оглохший от рева hi-end колонок, чувствую со стороны этих существ не только смертельную угрозу, но даже смрад, слышу, как отвратительно шелестят их когти по мху и жухлым листьям, цокают по корням дерева, жутко скрипят, когда наступают на кости павших раньше, чем мы.

Моя рука суетливо вытащила молот – это уже рефлекс, но я усилием воли заставил ее сунуть обратно, а пальцам подняться к левому плечу. Рукоять меча ловко втиснула голову в ладонь, как преданный пес, выпрашивая ласку. Молот – могучее оружие, что-то вроде «стингера», а то и крылатой ракеты, но в ближнем бою он успеет «выстрелить» только один раз, слишком широкая и медленная у него «мертвая петля» и боевой разворот, мне бы больше подошел скорострельный «калаш»...

Я старался перебороть холодный ужас, привстал в стременах, чтобы казаться выше, взмахнул мечом, едва не срезав коню голову. Меч легок, но все же я чувствую в руке успокаивающую тяжесть, а по холодному лезвию проструились голубоватые змейки, ушли в рукоять, а я вроде бы ощутил прилив сил, в то время как ужас начал перерастать в злость.

Голову задрать не удавалось, но я видел, что тучи стали еще плотнее, иначе солнечный свет отогнал бы демонов от тропки. Деревья впереди чуточку раздвинулись. Беольдр оглянулся, мы встретились глазами, он чуть наклонил огромную железную башню. Мы уже видели, где нападут...

...и встретили холодной сталью. От страха в моей голове крутились только слова, которые я сам себе твердил всю дорогу: двигаться как можно быстрее! Как можно быстрее... еще быстрее...

Демоны набрасывались молча, мы так же молча, сберегая дыхание, рубились, держа коней рядом и не давая вклиниться между нами. Я чувствовал себя, как на бойне, ибо лезвие

меча рассекало не бурдюки, наполненные гноем, как я представлял, а могучие тела из костей и мяса. Кровь хлещет темная, но это в полумраке, а так явно красная, а из разрубленных туш торчат белые, явно дворянские кости...

Меня толкали, пытались сшибить с коня, хватили за ноги, повисали на плечах, руках, но удивительное лезвие рассекало их с такой легкостью, словно тела состояли из окрашенного красным снега. Гигантские такие снежки, а меч у меня... раскаленный, что ли...

Я задыхался от усталости, пот заливал глаза. Внезапно демоны отступили, попятились, скрылись за деревьями. Беольдр с усилием поднял меч и ткнул в спину убегающей твари. Она вздрогнула всем телом, красиво вскинула лапы в безмолвном уворе на предательский удар, рухнула вниз мордой, едва не утащив с собой Беольдра.

Он ругнулся, голос дрожит, медленно повернул голову в мою сторону. Сквозь прорезь забрала я увидел измученные глаза, как и у меня, залитые потом.

– Хорошо, – выдавил он. – Хорошо, парень... Теперь верю, что не зря навязался на мою голову.

– Они за деревьями, – предостерег я.

– Не нападут, – ответил он сиплым усталым голосом. – Мы перебили почти всех... Это так, ошметки...

Кони с грузом дрожали, но не убегали, хотя я повод, понятно, выпустил сразу. Окровавленные трупы тварей лежат по обе стороны тропки, а также спереди и сзади. И не просто отдельные трупы, их навалено кучами, словно намеревались остановить своими телами вторжение. Цокот копыт сменился хлюпаньем, кони по щиколотку шли по крови, та не успевала всасываться под корни деревьев. Стволы стали темно-красными, даже с нижних веток срывались тяжелые пурпурные капли.

– Хорошо бы, – ответил я. – Мне совсем не хочется драться.

Он усмехнулся в ответ на неожиданное признание. Явно ожидал, что распуцу павлиний хвост и буду хвастаться, что вот прямо сейчас готов перебить всех демонов на свете.

– Мне тоже. Поверишь, чуть ли не впервые...

Он заставил коня переступить через трупы, мой последовал без всяких колебаний. Кровь медленно стекает по доспехам Беольдра, они снова тускло блестят, но все равно придется выковыривать застывшие сгустки из сочленений, иначе с невероятной скоростью разведутся не только мухи, но и черви. Да и самим доспехам мелкий ремонт не помешает, кое-где погнуто, процарапано почти насквозь, даже разрублено, хотя ума не приложу, чем...

Когда на расширении дороги я поехал рядом с ним, он сказал, не поворачивая головы:

– Что у тебя за меч, парень?

– Да так, – ответил я независимо. – Вбил одного по ноздри в землю... а меч забрал.

Он повернул голову, я снова увидел строгие глаза.

– Так просто?

– Почему нет? – удивился я. – Я что, не орел?

– Орел, – согласился он. – Но твой меч рассекал демона от макушки и до пояса, даже когда ты бил без замаха... Это уже не ты, а твой меч.

– Хороший меч, – согласился я. – Говорят, его ковали гномы. Кстати, такой же точно у брата этого... которого я по ноздри. Даже еще лучше! По крайней мере, рукоять в золоте, а у этого – простая. Теперь этот братец везде меня ищет. Горит, значит, огнем братской мести.

Он спросил заинтересованно:

– Такой же у брата? Интересно. Как зовут, говоришь, брата?

– Улаф, – ответил я злорадно.

Даже сквозь узкую щель в забрале я видел, как глаза Беольдра расширились, а сам он чуть вздрогнул и отшатнулся. Мы некоторое время ехали молча, потом Беольдр переспросил:

– А как звали этого... которого ты по ноздри? Ты в самом деле... ну, по ноздри...

Я вспомнил, с какой высоты падал сраженный, да еще в его тяжелых доспехах, как воочию увидел яму, выбитую его телом, ответил:

– Да нет, это ж так говорится...

– Я так и думал, – выдохнул Беольдр.

– ...на самом деле я вбил его глубже, – закончил я. – Но меч у него выпал, к счастью. Не пришлось лезть в яму. Как зовут, не спрашивал. У меня ж голова моя, а не конячья? Я вон и демонов не спрашивал...

Он покачал головой, ничего не сказал в укор, что, мол, рыцари так не поступают, они обязательно дознаются про герб и титулы, а сраженный мною был рыцарем, хоть и перешедшим на сторону Тьмы, смолчал, ехал молча, хотя я не раз ловил на себе взгляд его задумчивых глаз.

– И все-таки, – произнес он внезапно, возвращаясь к своим мыслям, – как бы они ни клялись верности Хаосу... но даже для того чтобы творить Хаос, они сперва вводят Порядок. Закон. Власть!.. Даже там, где их никогда не было.

– Вы о чем, ваша милость? – спросил я.

– Демоны, – ответил он, – как и прочая нечисть, никогда не охотились стаями...

– Ага, – сказал я понимающе, – как кошки.

Он взглянул остро, наконец понял, о чем я, кивнул.

– Да. Потребовалась чья-то могучая воля, чтобы заставить этих кошек стать собаками. С кошками справиться легко... Не только потому, что поодиночке, но они сами нападали друг на друга. Теперь ходят стаями, помогают, взаимодействуют.

В лицо пахло смрадом. Зеленые деревья еще плыли навстречу, полные жизни, света, по коричневой коре ползают толстые красивые жуки, вытекающий сок облепили цветные бабочки, птицы часто шмыгают над головами, весело стрекочут...

...но чистые деревья расступились, смрад стал плотнее, а впереди стволы почерневшие, гниющие. Голые ветки угрожающе воздеты к небу, кора отвалилась, а оголенные тела деревьев отвратительно блестят, словно покрыты слизью тысяч улиток. Вместо травы только темная неподвижная масса, хуже перепрелых листьев и даже гниющего мха, нечто отвратительное, мертвое, гадкое...

В одном месте приподнялось нечто вроде моховой кочки, пыхнуло желтым облачком пара с неприятным звуком. Кочка опала, докатился запах вони. Я ощутил, как дыхание становится чаще, а сердце ускоряет бег.

Беольдр пустил коня прямо через гниль. Я заколебался, непонятный страх сковал все тело. Конь тоже вздрогнул и запрядал ушами. Возникло ощущение, что некто рассматривает меня в огромную лупу.

Беольдр оглянулся уже за десяток шагов.

– Что? Не по себе?

Я заставил онемевшие колени ткнуть коня в бока.

– Да так... противно.

– Ничего, это только пятна, – сказал он холодно. – Это значит, какой-то дряни удалось закрепиться... Эх, сюда бы священника! Враз бы молитвой... А то и единым словом...

– Это дело демонов?

Я догнал его, наши кони тоже шли торопливо, временами переходя в галоп. Наконец впереди среди гнили блеснула зелень, кони ускорились еще, и мы влетели в зеленый живой лес, где в ушах сразу зазвенело от птичьего щебета, где запахло живицей, близкими медовыми сотами, свежей землей от кротовой кучи.

– Да, – ответил Беольдр. – Если они закрепятся, весь лес станет таким. А потом и не только лес.

С каждым шагом свет мерк, словно наступало солнечное затмение. Зеленые деревья сменились сухими, мертвыми, а дальше вдоль тропы потянулись искореженные гниющие деревья. Я не понимал, что за сила их так искалечила, ибо для того, чтобы вот так изогнуть столетний дуб, надо травить его ядерными отходами лет тридцать, но, по Беольдру, еще год-два тому назад здесь было чисто.

Деревья изогнулись, как в жутком застарелом ревматизме, ветви в болезненных наплывах, кора отвалилась, в прогнившей древесине зияют дупла, оттуда несет гнилью. Под ногами все то же темное месиво, бывшее листьями, мхом, а теперь зловонная жижа, что живет своей жизнью, не отвердевая и не высыхая.

– Уже скоро, – сказал Беольдр напряженно. – Пусть кони отдохнут, а то нам может понадобиться вся их скорость. И сила.

– Придется драться?

– А то и удирать, – ответил он абсолютно серьезным голосом.

– И такое здесь бывает?

– Теперь – да.

Он тяжело слез с коня возле огромного ствола павшего дерева, а я поспешно начал сооружать костер. Тело ныло, жаловалось на железную скорлупу доспехов. Беольдр расседлал коней, подвязал к мордам сумки с овсом.

Пламя поднялось, охватило поленья, и сразу же в темном лесу за кругом оранжевого света стало совсем черно, словно наступила ночь. Запах гнили усилился, потянуло болотным смрадом. Беольдр подошел, сел рядом... и тут же в полной тиши неестественно громко хрустнула ветка. Я чуть не подпрыгнул, а сердце заколотилось, как единственная монетка в копилке нетерпеливого ребенка. Роскошный костер уменьшился, огонь трусливо прижался к поленьям. Освещенный круг резко сузился, а в подступившей тьме блеснули горящие желтым, словно гнилушки, широко расставленные глаза.

За спиной характерно звякнул выдвигаемый из ножен рыцарский меч. Я напряг зрение, из мглы выступили смутные очертания существ, от вида которых бросило в дрожь. Лишь немногие на двух ногах, часть – на четырех, остальные же либо на множестве конечностей, либо вообще брюхом на гнилой земле, кто придвигается по-змеиному, кто – как гусеницы, кто – вообще невообразимо как. Нет двух одинаковых, полная свобода, полнейшая, и потому в моем черепе болезненно кольнуло какое-то странное противоречие. Хаос – это свобода, освобождение, сперва от обязательной формы, потом вообще... от всего...

Беольдр прошептал сзади:

– Сейчас бросятся... Но, может быть, стоит предупредить хотя бы парочку... твоей нечестивой штукой?

Я вздрогнул, за моей спиной яростный поборник Формы, застывшего Порядка, Упорядоченности, Иерархии, Строгой Подчиненности... и я с ним... почему-то с ним...

Пальцы сорвали с пояса молот.

– Бей! – прошептал я. – Как можно сильнее!.. Убей как можно больше!

Молот пронесся подобно летящей ракете. Мне показалось, что за ним остается инверсионный след. В темноте послышался сильный чавкающий удар. Я поймал за скользкую рукоять и швырнул снова. И снова. И снова.

Беольдр уже стоял с мечом наготове, щитом прикрыл грудь и левое плечо. Рукоять молота со звучным чавком вlepилась в ладонь. Во все стороны брызнула слизь. Я замахнулся в полутьму, Беольдр сказал:

– Не стоит. Они ушли.

Молот тяжело пополз к земле. Я разжал пальцы, слизью забрызгано до локтя, молот тяжело бухнулся оземь. Беольдр с сочувствием смотрел, как я вытираю ладони о траву. Правая

рука с мечом поднялась, большой палец поддел забрало. Да, в самом деле смотрит с сочувствием, не почудилось.

– Что, – сказал я, – эти гады ядовитые? А то пальцы щиплет. Будто медузу из моря вытащил.

– Ты жил у моря? – удивился он.

– Да нет, – ответил я рассеянно. – Летал туда пару раз...

Осекся, торопливо сорвал листья с куста, все время чувствовал на себе острый взгляд Беольдра.

– Летал, – сказал Беольдр у меня за спиной. – Гм...

– Во сне, ваша милость, – ответил я торопливо. – Во сне! Я часто летаю. Вон спросите Ланселота. Или Бернарда. Даже принцесса знает, что я прямо порхаю, даже распархиваю во сне!

Судя по звуку, Беольдр сунул меч в ножны. Потом шаги отдалились, я услышал недвольное ржание. Беольдр седлал коня, тот отдохнуть еще не успел, затем Беольдр подвел своего зверя к валежине. Я посмотрел на них и понял, что в этих доспехах тоже смогу взобраться на коня только с этого седального ствола.

Костер в гнилом воздухе угас раньше, чем я собрался загасить. В полутьме встали себя, как на гору, на спину этого проклятого коня, они только в кино подгибают колени перед раненым всадником... или это верблюды подгибают, но неважно, пусть хоть слоны, теперь никому не верю. Беольдр двинулся, казалось, в самую тьму. Мой конь качнулся и пошел следом.

Так мы проламывались сквозь гниль и мертвый лес еще с полчаса. Голые почерневшие стволы постепенно, по одному, начали заменяться живыми деревьями. В воздухе замелькали бабочки, сперва мелочь с обтрепанными крылышками, потом стандартные мотыльки, а затем уже появились огромные, как голуби, пугающе яркие. Грязь под копытами сменилась сперва мхом, потом опавшими листьями, снова мхом – уже свежезеленым, а деревья двигались навстречу чистые, вымытые, со здоровой корой и сочными изумрудными листьями.

Беольдр сказал с облегчением:

– Наконец-то!

Между исполинскими деревьями начал мелькать свет. Беольдр поторопил усталого коня. Огромные трубы деревьев помчались за спину быстрее и быстрее. Впереди за деревьями расстилалось широкое поле, а когда мы выехали на опушку, на плечи прыгнуло настоящее солнце, принялось выжигать слизь и сырость из наших доспехов.

За полем – кольцо широкого и довольно высокого рва, в центре кольца возвышается замок. Почувявшие близкий отдых кони из последних сил пошли в галоп. Мой конь взнес меня на вершину рва, остановился так резко, что я едва не слетел через голову. Жуткая черная вода рва, гниль и смрад, пахнет таким же разложением, как и в зараженном лесу. Вода покрыта зеленой ряской и темной тиной, от нее тянет смертельным холодом, словно это вода космоса, но чувствуется, что в глубинах этой черноты живут страшные невиданные твари...

– Почему мост поднят? – пробормотал Беольдр. – Хозяин давно должен нас заметить...

Я вздрогнул от страшного рева. Беольдр трубил в длинный изогнутый рог. Щеки стали, как у самки лягушки в период течки, а на висках вздулись крупные голубые жилы, в которых, оказывается, течет благородная голубая кровь.

Тишина обрушилась звенящая, потом я сообразил, что это звенит у меня в ушах. В окнах сторожки над подъемным мостом по-прежнему никто не показывался. Я настороженно оглядывался. По мне так замок выглядит старым и древним, словно я смотрю на развалины Месопотамии, хотя, как я уже знал, люди пришли сюда совсем недавно. Стены потеряли цвет, камни то ли потрескались, то ли на них остались жуткие шрамы, между плитами зияют дыры. Четыре башенки с бойницами, но там пусто, а вид совсем заброшенный, словно люди туда не поднимались с того дня, как их покинули строители.

– Это сейчас такой, – сказал Беольдр негромко.

– А раньше?

– Посмотри на стены. О них разбили головы многие завоеватели.

Послышался визг и скрип цепей. Мост начал опускаться. Беольдр выпрямился, копьё поднял и держал острием вверх. Я пробормотал:

– Даже не спросили, кто мы... Не ловушка?

– Меня узнали, – бросил он неприязненно.

Я покосился с недоумением – что за причина для неприязни? – потом понял, что крупнее Беольдра я вообще не видел рыцаря. И то, что я временами выгляжу вровень, вряд ли его приводит в восторг.

Мост загремел под конскими копытами. Массивные створки ворот пошли в стороны, похожие на крылья старой ночной бабочки: темные, истрепанные, в глубоких царапинах и пятнах. Открылся широкий двор, совершенно пустой, мертвый.

Беольдр проехал ровно настолько, чтобы сзади опустился мост. Рука нервно дернула повод, конь послушно остановился.

– Что-то не так? – спросил я.

– В прошлый приезд, – проронил он с подозрением, – вон за теми столами сидели купцы, а вон там крестьяне торговали... Нет, уже давно здесь не бывают странствующие монахи, фокусники, циркачи, менестрели, бродячие торговцы... но чтоб так пусто...

Огромный замок выглядел громадной величественной гробницей. Типа Тадж Махала, египетских пирамид или Мавзолея Ленина. Много камня, много труда, и все оставлено, заброшено, как заброшены в джунглях древние города из камня древних ариев, ацтеков, майя...

Беольдр приложил к губам рог, но тут издалека раздался сильный и веселый голос:

– Только не это! Твой рев способен разрушить замок!

Глава 5

С башни спустился невысокий крепкий человек. В простой одежде, с непокрытой головой, волосы торчат неприглаженные, одет небрежно, но шел к нам беспечно, без опаски, улыбался и показывал пустые ладони. Рукава рубашки закатаны до локтей, вид простецкий, как у менеджера, который среди работяг старается прослыть своим человеком.

Беольдр смерил его недоверчивым взглядом, человек улыбнулся еще шире. Беольдр наконец слез, конь с облегчением вздохнул. Беольдр шлепнул его по крупу:

– Иди в конюшню. Дорогу знаешь.

К моему удивлению, конь весело затрусил через двор. Человек подошел, глаза его смеялись, с интересом оглядел меня.

– Беольдр, друг! Приветствую... А это кого ты привез?

Обмениваться рукопожатием не стали, Беольдр смотрел с явной неприязнью. Буркнул:

– Его зовут Дик. Он хороший парень, но только давно не был на исповеди.

Хозяин замка широко улыбнулся.

– Меня зовут Терентон. Я вообще был на исповеди в далеком детстве. Добро пожаловать, сэръ Ричард!.. Отпустите коня, он сам найдет дорогу.

– Сам? – не поверил я. – Он тут никогда не был!

Терентон улыбнулся еще шире, в глазах прыгали веселые огоньки.

– А вы проверьте!

Беольдр буркнул:

– Ладно, Терентон. Ты зубы не заговаривай. Приготовил?

– А ты привез?

– Рыцари никогда не обманывают, – отрезал Беольдр высокомерно.

Терентон возразил уклончиво:

– Давно не имел дела с рыцарями... Отвык.

Беольдр указал в сторону навьюченных коней. Терентон тут же направился к ним, Беольдр пошел следом, а я на всякий случай двинулся за своим конем к неведомой конюшне.

На той стороне двора перед конями распахнулись двери приземистого здания. Едва хвосты последний раз мелькнули на солнце и пропали в полумраке, двери захлопнулись с сухим резким стуком. Я подошел, поднял руку, чтобы стукнуть, но дверь снова вздрогнула, створки разлетелись в стороны, словно их отстрелили.

Я сделал шагок, остановился в смятении. По эту сторону двери никого. И непонятно, кто открывал. Оглянулся, обе створки подрагивают в нерешительности. Видно, я стою на линии колдовского фотоэлемента. Поспешно шагнул вперед, за спиной с явным облегчением хлопнули двери.

В конюшне пахнет свежим сеном, овсом и даже мукой. В ближайших яслях не мука, правда, зато отборные зерна пшеницы, похожие на муравьиные коконы формика поликтена. Конь Беольдра уже пристроился к одной кормушке, а мой сперва напился воды – по желобу течет чистая прозрачная вода, настолько чистая, словно отфильтрованная через все современные перегонки.

Когда я побрел обратно, двери снова распахнулись передо мной с предупредительной почтительностью.

Солнце пошло на закат, через двор пролегли четкие темные тени. Беольдра не видно, зато навстречу попался Терентон. Он еще издали профессионально улыбнулся, мол, все о'кей, все поют, наша фирма надежная, все гарантии, репутация, международные связи, лобби в правительстве, родственники в налоговых органах...

– Беольдр отбирает товар, – успокоил он. – А как вам здесь, сэра Ричард?

– Непривычно, – признался я.

– Вы странный человек, – заметил он. Как мне показалось, вполне искренне. – Очень.

– Я?

– Почему так удивляетесь? Это я удивляюсь. Вы ни разу не перекрестились, как приехали. Не шепчете постоянно молитвы, не осеняете все крестным знаменем... и вообще у вас лицо как лицо. Не перекошенное, я имею в виду.

Я кивнул.

– Понимаю. Нет, у вас все очень мило... Я хоть и не понимаю, как у вас все это делается, но очень мило. И удобно. Зимой, надеюсь, тепло?

– Как летом, – ответил он с гордостью.

– Здорово, – признался я. – Так это и есть результаты... оборотничества?

Он запнулся, посмотрел на меня с осторожностью, ответил медленно, тщательно подбирая слова:

– Я, простите, торговец... Авантюрист, если хотите. Я ввязываюсь в рискованные предприятия... но рискую, подчеркиваю это особо, только своей головой. Или душой, как утверждает аббат, но опять же заметьте – своей! Никого я не ставлю под удар...

Я развел руками, сам улыбнулся как можно шире, стараясь снять напряжение.

– Я не сужу вас. Я новый человек... в Зорре. Я просто хочу побольше понять. У меня нет предубеждений ни против оборотников, ни против эльфов или гномов. Нет даже против огров... потому что я с ними дел не имел, знаю только по слухам. Правда, однажды я, кажется, завалил пару, но ведь человек я отправил на суд Всевышнего еще больше?

Я остановился, ибо Терентон смотрел на меня с напряженной улыбкой. И лицо стало странным, напряженным, а глаза и вовсе замерзли.

– Вы знаете, – сказал он с усилием, – даже я так далеко не заходил. Я говорю насчет огров. Эльфы и гномы – да, но огры... это вообще на той стороне Тьмы.

– А эльфы?

– Эльфы, – ответил он, – сами по себе. Борьба Тьмы и Света – это борьба людей.

Я кивнул.

– Ладно, а что насчет Морданта?

– Простите?

– Мордант, – повторил я, – на чьей стороне?

– На стороне Света, – ответил он, но мне почудилось в его голосе некоторая заминка. – Просто Мордант шире... намного шире сотрудничает с эльфами и гномами. Говорят, даже с ограми и троллями, но этого никто не знает...

– Почему?

Он засмеялся.

– Это сперва с эльфами да гномами общались только особые люди!.. А теперь все кому не лень. Эльфы тоже заходят в Мордант, как и гномы. Сами покупают без всяких посредников прямо на базарах, в лавках... А вот с орками, троллями, ограми – пока только слухи. Правда, упорные. В Морданте есть вещи, которые могут добыть только тролли. Причем эти вещи не только у знати, но уже и простые люди... гм... имеют, имеют.

Он уже пришел в себя, теперь у него было веселое, но несколько сокрушенное выражение лица. Я снова вспомнил про посредников, услугами которых пользуются вначале очень охотно, потом всегда... если сказать мягко, обходятся без них.

– Сколько отсюда до Морданта?

Он даже отодвинулся, покачал головой. В глазах его я видел сомнение, так ли я здоров на голову.

– Сэр Ричард, вы же служите Зорру!

– Пока никому я не служу, – ответил я. – С меня сняли все клятвы и все обеты, когда собирались оставить в одном из сел. А потом так и не вспомнили, что я – человек свободный.

– Три дня на добром коне, – сказал он. – Если, конечно, по прямой. Но я бы не советовал...

– Почему?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Хотя вы и кажетесь умнее других... и не таким... гм... но в Морданте можете увидеть такое, что не очень понравится.

– Что?

Он пожал плечами.

– Представьте себе, я в Морданте не был ни разу. Но судить могу, с мордантцами я тоже веду иногда дела. Правда, если честно, они обошли меня далеко. Вы ж видите, я с троллями не знаюсь, это точно.

– Да, – согласился я, – здесь о равноправии полов, рас и видов пока не слышали. И о политкорректности тоже. Но все же в Морданте кое-какой прогресс налицо, чую...

Когда я отправился на поиски Беольдра, спину мне сверлил напряженный взгляд Терентона.

Заходящее солнце окровавило башни, последний луч соскочил с каменного зубца и прыгнул в небо. Вспыхнуло кроваво-красным облако, а небо из ярко-голубого начало перетекать в синий, темно-синий. На восточной половине бледно проступила изъеденная луна, похожая на привидение настоящей луны.

Мы все устроились в небольшой уютной комнате, на столе удивительно разнообразная еда, три глиняных кувшина, Терентон взломал пробки, и даже Беольдр в изумлении покрутил головой. Воздух наполнился дивным ароматом, тонким и нежным.

– Этому вину три сотни лет, – объявил Терентон гордо.

– Щедро угощаешь, – заметил одобрительно Беольдр.

– Что за вино, – сказал я восхищенно, – что за такой срок сохранило аромат? У нас бы превратилось в уксус...

Терентон бросил в мою сторону подозрительный взгляд.

– А сколько выдерживают у вас?

– Совсем немного, – ответил я сокрушенно. – Три-пять лет, не больше. А десятки – только крепкие. Коньяки, бренди, ром, виски... Но и те не сотни лет, конечно. Как вы это делаете?

Терентон налил вино в три кубка, поднял глаза на мое лицо.

– Не знаю, – ответил он честно. – Я ведь не винодел. Пью, что доставляют. За ваше здоровье, доблестные рыцари!

Беольдр кивнул благосклонно – рыцарь здесь только он, мы осушили кубки, Терентон налил снова. Я прислушивался к дивным ощущениям, одновременно старался понять, откуда взялись кубки, ведь вначале на столе были только три кувшина. И почему те простые медные кубки сперва стали серебряными, а теперь и вовсе отливают благородным золотом.

– И все-таки, – сказал Беольдр размеренно, – за твои временные улады последует жестокая расплата... Что жизнь! Миг... А потом мучиться всю вечность. Надо же – вечность!

Терентон с усилием улыбнулся. Мне показалось, что он не то подмигнул мне, не то взглянул в поисках сочувствия.

– Я надеюсь, – ответил он елейным голосом, – что Господь милостив... Что ему от моих мук? Я человек маленький. Вот поймать короля-клятвопреступника или императора-брата-убийцу...

– Перед Богом все равны, – напомнил Беольдр строго. – Король, император, последний нищий – все получают за одинаковый грех одинаково. За хвост – и об стенку! А потом в котел с кипящей смолой.

– А почему не в огненное озеро? – удивился Терентон.

Беольдр подумал, махнул рукой:

– Ладно, в огненное озеро.

– Спасибо, – вздохнул Терентон. – Сразу, поверишь ли, отлегло. Сперва легло, даже лапы вытянуло, а потом... потом отлегло.

Я насыщался дивно приготовленным мясом, нигде не подгорело, нет недожаренной плоти, к чему уже привык в Зорре, умело приправлено жгучими травами. Беольдр и Терентон вели неспешный разговор, изобилующий намеками и недомолвками, в которых я ничего не понимал.

Вино постепенно не то чтобы ударило в голову, но расслабило мышцы, я чуть прибалдел, смотрел на все с улыбкой, мне было хорошо и приятно. Однако Беольдр вдруг взглянул на меня остро, перевел взгляд на окно, за которым край огромного багрового солнца уже исчез, а голубое небо давно превратилось в темно-синее. Терентон отвел глаза в сторону. Беольдр сказал:

– Дик, пойдй посмотри на коней. Утром выедем чуть свет. Проверь ремни, у тебя подпруга вот-вот лопнет. Замени, пока есть время.

Я выбрался из-за стола, Терентон сказал торопливо:

– Там в конюшне есть любые ремни.

Дверь отыскалась не сразу, потом я долго брел по коридору, удивляясь его ширине и бессмысленно высоким сводам. По тем замкам, которые посещал на экскурсиях, приходилось передвигаться, нагнув голову. Даже низкорослый гид то и дело стучался макушкой...

Наконец лестница привела вниз, на первый этаж. Я толкнул дверь, ночь распахнулась свежая, воздух теплый, как чай, крепкий и настоящий на всяких лечебных травах. Яркое звездное небо обрывается абсолютно черной зазубренной стеной леса, оттуда идут запахи древесины, смолы, трухлявых пней и бодрящего аромата муравьиного сока.

Лунный свет показался слишком ярким, соперничал со светильниками в помещениях и факелом в стене на выходе. Кстати, странный факел. Пламя ровное, мощное, другой за это время уже давно бы выгорел...

Луна недостаточно яркая, чтобы я мог различать цвета, однако же пронзительно ясно высвечивает двор. Под стенами залегли чернильные тени, отчего двор кажется шире, объемнее и таинственнее. Над головой проносятся ночные птицы, я иногда слышал мягкое движение воздуха.

Конюшня в стороне блестит, как глыба льда, рядом пристройка, но мне туда вход заказан. Что мы привезли – не знаю, что увезем – тоже не дорос еще до этих тайн. Хорошо, хоть доверяют поправлять ремни. Раньше и это не доверили бы. Правда, вино здесь хорошее, у нас там короли такое не пробовали. Даже президенты вряд ли...

Двери снова распахнулись, старые средневековые двери средневековой конюшни. Но фотоэлемент и сервомоторы как будто только что сперли от дверей Шереметьева-2. Станный мир, но он начинает мне нравиться...

Я сделал шаг в полутьму, в конюшне разом вспыхнул свет. Не яркий, а некий интим, просто предупреждение коням: кто-то к ним вошел, надо подтянуть животы, принять небрежный вид.

По стене наискось метнулась тень. Мне она показалась странной, я не успел понять, в чем там дело, наконец с большим опозданием сообразил, что у меня пока что одна голова, а у тени две...

Огромные лапы больно схватили за голову, прищемив волосы. Я рванулся, мои руки непроизвольно ухватились за эти толстые как деревья лапы чудовища. Другие, еще более широкие ладони, перехватили мои пальцы. Задыхаясь, я ощутил, что если дернусь еще хоть раз, то просто оторвут как руки, так и голову.

– Сда...юсь, – прохрипел я. – Хва...тит...

Хватка ослабела. Перед глазами стояла красная пелена, волны крови с силой били в уши. Я судорожно, как рыба на берегу, распахнул рот. Могучие лапы позволили воздуху хлынуть в грудь, но все еще держали крепко.

Издали донесся ясный чистый голос:

– Торд, оставь его. Он сказал, что сдается.

Я не то хотел сказать, мелькнуло в голове отчаянное. Неужели я сказал именно эти слова? Они не так поняли, не так истолковали...

Подошвы ударились в твердую землю. Я сообразил, что до этого меня держали в воздухе. Могучие лапы придержали за плечи, чтобы не упал, исчезли, но по запаху я чувствовал, что за спиной по-прежнему зверь, перед которым медведь покажется плюшевым Винни Пухом.

– Мешок, – скомандовал тот же ясный голос. Мне показалось, что он принадлежит женщине. – Побыстрее!..

– Не беспокойтесь, леди... – начал густой мужской голос.

– Поторапливайтесь, – оборвала она резко. – Не нравится мне, что он так спокоен...

– Да он просто пьян...

– Еще бы, он же из Зорра!

На голову набросили мешок, могучие лапы разжалась. Я успел глубоко вдохнуть, но, оказывается, лапы лишь пропустили мешок мне до колен, а затем сдавили с такой силой, что я с шумом выдохнул все, что успел набрать в легкие. Меня перевернули, это я чувствовал, в поясницу больно уперлось нечто вроде бетонного бордюра. Я понял, что меня несут на плече. Справа легонько простучала копытами лошадь, но настолько мягко, что шагах в трех уже не слышать. То ли по толстому мху, то ли копыта обмотаны тряпками.

Несли меня долго, затем я ощутил странный запах. Такой слышал только однажды, когда ездил к приятелю на Азовское море. Там берег завален гниющими кораблями, старыми лодками, высыхающими водорослями, погибшими на солнце рачками и рыбешками...

Меня явно подняли наверх, я так решил по надсадному сопению богатыря, что с такой легкостью нес меня на плече. К чему-то привязали, толстая веревка передавила вены на руках и ногах. Я тихонько вякнул про возможность гангрены, вряд ли здесь знают про пенициллин, но в ответ меня пропенициллинили ногой под ребра.

Доносились голоса снизу, сбоку и даже сверху. Потом подо мной поверхность качнулась и задвигалась, словно началось землетрясение. Веревки натянулись, меня трясло все сильнее, потом толчки прекратились, но взамен все тело налилось свинцовой тяжестью. Невесть откуда взялся сильный ветер, продувал даже сквозь мешковину. Плотную ткань прижимало с такой силой, что, когда я приоткрыл губы чуть шире, давление встречного ветра едва не вбило мне в глотку всю воздушную шапку земного шара. К счастью, веревки бдили.

Справа и слева слышались редкие сильные хлопки. Всякий раз меня на короткое мгновение вжимало в твердое. Это напомнило мне, как мы в пионерском лагере устраивали гонки на прогулочных лодках. Там тоже после сильного гребка, после вот такого мощного удара веслами по воде лодку бросало вперед...

Ветер довольно долго продувал меня насквозь, я замер, застыл, сперва трясло, а затем уже смирился настолько, что покорно ждал: будь что будет. А легкий хмель, что туманил голову, выдуло напрочь. Я чувствовал себя трезвым как стеклышко и только теперь начал потихоньку пугаться.

Нескоро потеплело, тело стало легче, ветер изменил направление. Я даже уловил какие-то запахи, тут же под мной немилосердно затрясло, ударило больно в копчик, еще и еще, потом тряска стихла, я слышал, как заскрипел песок.

Голоса стали громче. Я ощутил прикосновение грубых рук, веревку сняли, но мешок оставили, тащили, волокли, пинали, нарочито ударили лбом о что-то болезненно твердое, затем скрип двери, теплый воздух, запахи горящего масла.

– Добро пожаловать в Мордант!

Мешок содрали с моей головы одним рывком. Я щурился, ослепленный светом. В Зорре самое освещенное место – тронный зал, но сейчас он показался бы убогой и плохо освещенной каморкой. Кроме свечей и светильников с маслом, здесь вдоль всех стен протянуты ленты странного светящегося мха. Он дает бледный свет, но не раздражающий глаза, а скорее похожий на сияние ультрасовременных галогенных ламп.

Передо мной стояли, с интересом разглядывая меня, трое. Двое мужчин, оба в простых удобных одеждах, и молодая женщина – тоже в костюме, который в Зорре показался бы чересчур вызывающим, а священники начали бы дело о колдовстве. Как я понимаю, в Зорре все нестандартное подпадает под статью о колдовстве. Все трое показались мне несколько странными, но я не успел понять, чем именно, спросил, стараясь перехватить инициативу:

– Здравствуйте... А почему бы вам для перевозок не приспособить гигантских птиц?.. Все-таки перья – не чешуя...

Они переглянулись. До этого разглядывали меня с насмешкой и полным превосходством, а теперь улыбки разом поблекли. Старший из мужчин вскинул брови – огромные красивые дуги. Я думал, что это у него такие расширенные глаза, но, когда он их расширил в удивлении, они стали почти на пол-лица. Но я ощутил дрожь в коленях, рассмотрев торчащие уши. Такие, по слухам, у оборотней. Но этот явно не оборотень, слишком тонок, элегантен, аристократичен, а одежда на нем сидит, как на принце.

– Ты что, понял, – удивился он, голос его прозвучал красиво и нежно, словно мелодия на серебряной трубе, – что тебя... по воздуху?

– А как не понять? – удивился я.

– Но... как?

– Так это ж просто, – ответил я. – Встречный ветер, холод... это значит, что поднялись высоко... а главное – гравитация...

У второго отвисла челюсть. Выглядел он намного проще, крепкий здоровенный мужичок, мне до пояса, широкий, со вздутой, как у петуха, грудной клеткой, с сильными руками, но коротконогий. И вообще впечатление такое, что его самого сдавила гравитация по вертикали. Женщина распахнула изумрудные глаза. Если первого я молча занес в эльфы, второго определил в гномы, хоть и условно, то куда присобачить зеленоглазую, пока не представлял.

Все трое спросили в один голос:

– Что?

– Гравитация, – повторил я. – Ну, изменение веса... Потеря, когда резко вниз... или потяжеление, когда чересчур быстрый подъем... Хорошо, я здоровый. Но если старика так повезете, то сердцу крышка. Или голова лопнет.

Снова переглянулись, женщина вдруг побледнела и прижала ладошку ко рту. Глаза ее смотрели на меня с ужасом. Остроухий мужчина бросил в мою сторону огненный взгляд, будто ударил кнутом по лицу, сказал торопливо:

– Беата, Беата!.. Не слушай варвара. Отец мог умереть от тысячи причин. За ним охотились колдуны...

Второй, который гном, если гномы такие, взглянул на меня остро, словно пытался вывернуть наизнанку. Как где мордой о пень, подумал я мрачно, так все валим на колдунов. Даже инфаркт – это всего лишь грудная жаба, что забралась в рот спящему.

Гном рассматривал меня, подбоченившись, так проще смотреть снизу вверх, сказал резко:

– Ладно! По крайней мере, Терентон не солгал. Это в самом деле человек... очень странный. И знает слишком много из того, что даже у нас не всем можно знать. Вербки снять... Вы не собираетесь убежать с криками... сэр?

Я уловил паузу, которую он сделал перед этим «сэр», растянув его на три или пять слогов, покачал головой.

– И без криков – тоже. Мне здесь очень интересно.

– Видите, – сказал он соратникам саркастически. – Ему интересно. Кто еще такое говорил?

Четвертый, невидимый за спиной, вздернул мне руки кверху, не потрудившись наклониться сам, я уловил прикосновение холодного железа. Вербки распались, я с наслаждением начал растирать затекшие кисти рук. Эльф и гном слегка отступили, только женщина осталась на месте, ее глаза смотрели с вызовом. Мол, неужто посмеешь тронуть? Ты же рыцарь?

Хрен я рыцарь, ответил я взглядом, так что могу, еще как могу. Кстати, ведьм, всяких там эльфов, гномов и прочую нечисть любой рыцарь тоже считает своим долгом зарубить, а если не очень спешит, то неспешно и красиво сжечь на костре.

Она все прочла в моих глазах, умница, отступила. Я продолжал растирать руки. Началось покалывание, настолько острое, что я едва не завизжал, как поросная свинья под тупым ножом, но терпел.

– И по какому праву... – начал я, потом вспомнил, что в этом мире еще нет адвокатов, и закончил: – Понятно, по праву сильного. Но зачем? Выкупа за меня никто не даст.

– Выкупа? – переспросила женщина. – Жаль, но что поделаешь. Однако захватили тебя вовсе не ради выкупа.

– А зачем?

– Спрашивать будем мы, – объявила она надменно.

Гном и эльф переглянулись, явно эта фраза им показалась новой и значительной. Меня толкнули в спину, за спиной я чувствовал присутствие огромного зверя, но боялся повернуться. Здесь, наверное, еще не додумались надевать на спецназовцев маски, чтобы народ не пугался их оскаленных морд.

Меня доставили в довольно глубокий подвал. Пахло кровью, мочой, страхом и болью. Из стен торчат толстые крюки, а ржавые цепи похожи на измазанных в глине змей. Грубо сложенный стол, пара табуреток, длинная широкая лавка, в углу бочка с грязной водой. И – широкая ниша в стене, где разложены щипцы, крюки, сверла, молотки, стамески...

– Все понятно, – сказал я. Холод начал заползать в сердце, я чувствовал, что бледнею. – Я не герой, я расскажу все и без пыток... Или вы просто садисты?

Они переглянулись. Женщина переспросила непонимающе:

– Что такое «садисты»?

– Да был такой маркиз де Сад, – сказал я торопливо. – Он жил... ну, в другое время. И не здесь. Любил мучить просто так. Для забавы.

Женщина покачала головой.

– Какая же это забава? Это работа. Не такая уж и приятная. Итак, рассказывай. Кто ты, почему смотришь на Зака Ганна и Арентийца без страха и отвращения? Почему ни разу не схватился за крест? Где твои молитвы?

Я развел руками.

– Не знаю... Можно мне сесть?... Спасибо. Кстати, вы тоже можете сесть. Крест мне подали, так что это скорее украшение. Ваши друзья Зак и этот Арентиец... гм... а что в них удивительного? Видели бы вы панков или байкеров!.. Или Борю Моисеева... Даже тот, что у меня за спиной, думаю, не страшнее наших... Только наши врываються в пятнистой одежде и в

масках. Чтоб людей не пугать своими рожами. Так что с этим понятно... Вот только тайн никаких не знаю!.. Проверьте на любом детекторе лжи: я жил обычной жизнью простолюдина, жил как все. Не высовывался. Никаких подвигов. А потом... потом случайно прибился к группе, что ехала через наше поле. Я ж не знал, что они из мирных Срединных Королевств едут в эти жуткие края!

Три пары глаз следили за мной очень внимательно. За спиной послышался тяжелый вздох, в спину мне пахнуло горячим, словно в мою сторону повернули ацетиленовую горелку. Я чувствовал по запаху, как сместилось огромное тело. Скосил глаза, страхась повернуть голову. Холодок в сердце стал глубже. Существо на голову выше меня, а ощущение непомерной силы сковывает руки и ноги. Хорошо, уже сажу...

Орг, или что это, встал у двери. Я успел подумать, что был бы со мной молот, можно бы этого спецназовца вынести вместе с дверью, а эти трое не такая уж и мощь против моего меча... но гном кашлянул, сказал густым рассудительным голосом:

– Моя магия говорит, что он не врет. Мы можем изломать ему все кости... но услышим то же самое.

Женщина возразила:

– Но почему он не такой, как все?

Гном уточнил:

– Как все там или как все здесь?

– Все равно, – огрызнулась женщина. – И здесь тоже не все знают и одобряют наши шаги по сближению...

Эльф предостерегающе кашлянул. Женщина отмахнулась:

– Да это все знают! Только делают вид, что их не касается, раз сами не... не пачкаются!

Она часто задыхалась, в глазах засверкала злоба. Я сказал торопливо:

– Зачем сердиться? Так везде. Если им выгодна ваша деятельность, то все будут делать вид, что ничего о ней не знают. А вот если провалитесь, то все скажут, что вы мерзавцы. И что, если бы они знали раньше, то остановили бы вас, посадили, бросили в темницу, исказнили...

Эльф рассматривал меня во все глаза, а гном хихикнул:

– Ну что? А ведь говорит верно. Откуда ты знаешь, сэр Ричард?

– А везде одно и то же, – ответил я как можно небрежнее.

– Везде?

– Ну да.

– Хочешь сказать, что и у вас так же?

– Конечно, – ответил я убежденно. – Народ готов пользоваться хоть краденым, хоть контрабандным, хоть безналоговым – лишь бы дешевле и прямо к дому. Но только чтоб никто не упоминал вслух, что это краденое, – они ж все благородные, порядочные, интеллигентные!

Гном крикнул, сказал в пространство:

– Я вижу, что... с одной стороны, мы получили полезную информацию...

– Какую? – сердито спросила женщина.

– Ну... где-то еще есть умные люди. Видишь, он к таким вещам даже привычнее, чем мы. Значит, они там прошли по нашему пути даже дальше. С другой стороны, ломать ему кости ни к чему. Я бы дал ему свободу.

Он посмотрел на эльфа, избегая смотреть на женщину. Эльф сказал чистым, как отфильтрованная вода, голосом:

– Да, конечно. Я за целесообразность.

Женщина фыркнула.

– Ладно, как хотите. Итак, вы свободны, сэр Дик.

В отличие от гнома, она не называла меня Ричардом, а «сэр Дик» звучало достаточно издевательски. Но я перевел дух, не выношу боли, проговорил как можно будничнее:

– Если мне можно идти... то можно вместе с вами? Я боюсь заблудиться в этих подземельях. Или вы останетесь здесь на всю ночь?

Женщина молча повернулась и пошла к двери. Орг протянул длинную лапу, дверь распахнулась с треском. Я ощутил себя чуть свободнее. Если здешний ОМОН обучен двери не только вышибать, но и открывать перед дамами, то, может быть, не сожрет.

Гном и эльф вышли вслед за женщиной, оргу я сказал: «После вас», и эта мохнатая глыба двинулась впереди меня. Я потащился следом, ликуя от этой маленькой победы больше, чем от спасения собственной шкуры.

Глава 6

Коридоры вели наверх, орг наконец пробрался вперед, меня опасаться перестали, я потерял направление, и когда орг наконец распахнул последнюю дверь, я вслед за всеми вышел в незнакомый коридор, широкий, солидный, отделанный панелями из дорогих сортов дерева, на стенах – картины в массивных рамах, и вообще пахнет если не ранним Возрождением, то хотя бы поздним Средневековьем.

Из дальнего конца в нашу сторону быстро шел плотный лысый человек с круглым как луна лицом. За ним торопились еще четверо, забегали то справа, то слева, показывали бумаги, инструменты. Он морщился, иногда что-то рявкал, и четверка сразу же принимала к сведению, я уже видел такие лица в моем мире, а Мордант явно продвинулся по пути оцивилизовывания дальше Зорра.

Он показался мне похожим на генерального подрядчика, даже на московского мэра, инспектирующего вверенные ему объекты. Эльф сделал мне знак посторониться, а гном просто грубо ухватил за руку и потащил к стене. Его ноги скользили по каменным плитам, словно он пытался утащить за гусеницу танк, но я сжалился и отступил, освобождая дорогу.

Мэр бросил в нашу сторону быстрый взгляд, сделал еще пару шагов, остановился.

– А, слышал... Захватили перспективного пленника?

– Да, господин Корд, – ответил эльф торопливо. – Мы не знали, что такая мелочь привлечет ваше внимание... Но мы разобрались, это уже не пленник.

– В нашем деле нет мелочей, – ответил Корд сильным властным голосом, и четверо тут же сделали вид, что записывают бесценные слова. – Каким бы я был управителем, если бы не знал, что у меня творится?.. Что, дружище, непривычно у нас?

– Да не особенно, – ответил я. – Конечно, эльфы и гномы в городе – здорово, но у нас даже гомосеки и демократы так же точно... э-э... ну, не на кострах сидят. А демократы так и вовсе в правительстве.

Он нахмурился.

– Это ж где такое королевство? Почему не знаю? Ладно, неважно. Походи, присмотришься. Увидишь, что до этого ты жил всего лишь на скотном дворе. А все тамошние рыцари, короли, бароны – всего лишь тупое дубье, которым я не доверю построить даже собачью конуру.

Я едва удержался, чтобы не кивнуть, я сам считаю их всех тупым дубьем, но это имею право говорить только я, а не всякие там мордантцы.

– Они мои друзья, – возразил я с достоинством, которого раньше за собой не замечал. – Они заботятся обо мне. Как могут, конечно. И как понимают заботу. Они хорошие люди.

Корд развел руками. Глаза его были полны насмешки. Я нахмурился, но Корд хмыкнул, сказал неожиданно:

– Когда два твоих друга поссорятся, то ты будешь на стороне того, кто первым успеет пожаловаться на другого? И кто первым успеет изложить свою версию ссоры? Что, не так? Не ври, все так делают, это в нас заложено Богом, но, думаю, Господь тут дал промашку... А если еще не будешь со вторым видеться, то останешься ему врагом... ну, пусть не врагом, но будешь со слов первого считать мерзавцем всю жизнь.

Я хотел возразить, но вспомнил пару случаев из жизни, проворчал с неприязнью:

– Это вы к чему?

– Дай слово, – сказал Корд очень серьезно, – что не попытаешься бежать... немедленно.

А потом ты свободен. С утра.

Я покачал головой.

– И что, я свободно смогу уехать?

– Свободно.

– И со мной останутся мои руки, мои ноги? И мне не выжгут глаза?

Корд проигнорировал выпад, сказал высокомерно:

– А оставшееся время я прошу тебя ходить свободно по всему замку. Общаться со всеми, кто еще не спит, будь то рыцарь, оруженосец или простолюдин. Никто за тобой не будет следить. Ты волен говорить все, и с тобой будут говорить свободно, не опасаясь быть услышанными. Ты узнаешь, кто мы, как живем, такие ли кровавые деспоты, как о нас рассказывают в твоём...

Лицо его налилось краской гнева. Кулаки стиснулись, в запавших глазах на миг вспыхнул мстительный огонь, но Корд взял себя в руки, кивнул своим, и они пошли за ним, как послушные гуси.

В зале Беата остановилась, развернулась ко мне лицом. Злости в ее серьезных зеленых глазах не осталось, а выглядела она милой и усталой.

– Если хочешь во внутренний двор, – сказала она, – то вот двери... Если пообщаться со слугами – кухня, прачечная, конюшни – в той стороне. Рыцари... ну к ним пока не стоит, эти надутые дурни слишком ревностно блюдут дистанцию. А у нас дела... Да и отоспаться надо. Прощай!

– Прощай, – сказал и гном.

Эльф улыбнулся, махнул рукой. Орг лишь уставился в меня красными глазами и застыл. Я попятился и, когда на меня уже никто не смотрел, кроме орга, повернулся и пошел к выходу.

Небо над огромным городом черное, как грех, даже без луны и звезд, одни тучи. Однако весь двор залит светом факелов, свет падает из всех окон. На той стороне двора в окружении простого народа, веселого и гогочущего, двое жонглеров ловко перебрасывают друг другу дубинки. Постепенно в воздухе замелькало шесть штук, потом добавились два ножа, улыбки на лицах жонглеров застыли, руки двигались с такой скоростью, что я не мог рассмотреть пальцы. Народ сперва визжал от восторга, потом умолк, все смотрели с немым восторгом.

Я прошел дальше – видывал и покруче трюки, дальше еще кучка народа, там двое играют на подобиях гитар, а молодая красивая женщина кавказской национальности пляшет что-то зажигательное в стиле Кармен, короткое платьице взлетает на-а-а-амного выше колен. Среди собравшихся немало солдат, ритмично хлопают, один вскочил и пустился выделывать коленца перед плясуньей. Она хохотала, красиво закидывая голову, трясла плечами, в глубоком декольте призывно шевелилось что-то мягкое и жидкое, похожее на молоко в тонких целлофановых пакетах.

А в Зорре не слышно песен, вспомнил я. И не видно плясок. Конечно, осада, но почему-то кажется, что, не будь осады, все равно в суровом мире Зорра разудалые песни не зазвучат. По крайней мере, на городских площадях.

А еще дальше, в свободном месте между просторной оружейной мастерской и великолепной конюшней, собрал вокруг себя праздный народ какой-то растрепанный проповедник, что-то выкрикивает, вздымает к небу костлявые руки, рвет на себе остатки волос и разбрасывает в стороны. Он показался мне провинциальным трагиком.

Я остановился в темной нише и смотрел с жадным любопытством. До этого почти месяц ехал в команде Ланселота, где если и говорили о Морданте, то с ненавистью и презрением. Ладно, Ланселот мне не указ, но Мордант ненавидит и Бернард, а он мне друг, о Морданте с презрением отозвалась принцесса, а для меня ее мнение свято, Мордант при мне обругал и проклял насмешливый умница Асмер...

И все-таки... все-таки странное очарование вопреки моему желанию медленно заползает в мою душу. Мордант – типичное средневековое королевство, но именно таким я и представлял Средневековье: огромные каменные стены и башни, замок, катапульты, шумный рынок... но одновременно обилие еды и питья, множество праздного народа, что собирается вокруг

бродячих певцов и жонглеров, из множества оружейных выносят охапками мечи вперемешку с косами, сохами, а то и плугами, в булочных пекут сладкие хлебцы и тут же выкладывают для продажи, торговцы хватают за руки и показывают на горы винограда, на яблоки, истекающие сладким соком груши, а чуть дальше начинаются длинные ряды, заполненные крупной речной рыбой, толстой, жирной, с раздутыми от икры боками...

Сейчас ночь, но о ней напоминает только черное небо, а жизнь кипит, бурлит... Близость войны почти не ощущается, мне никак не удавалось пробудить в себе гнев на коллаборационистов. Мордант явно сотрудничает или торгует с Тьмой, это ясно. А может, то и другое. Здесь просто заняты собой, своими реформами, а в общей войне либо не участвуют, либо в самом минимальном объеме. Типичная нормальная реакция современного мне государства: на меня не напали, а выступать под знаменем некой общей идеи... не смешите мои тапочки! Какие общие идеи с Зорром, где попы почти что правят королевством?

Стараясь не привлекать внимания, я прошел тихонько через двор, остановился возле колодца, жадно напился. На меня тоже деликатно не обращали внимания, хотя явно знают о моем статусе пленника. Молоденькие женщины хихикали и бросали игривые взгляды. Одна прошла совсем близко, пахло запахом свежего молока и сена, веселые глазки стрельнули в мою сторону. Я услышал быстрый шепот:

– Я свободна вечером... И ночью тоже...

Я невольно проводил ее взглядом. Спина прямая, в поясе тонкая, а широкие бедра так и ходят, как волны прибоя, из стороны в сторону. Даже чересчур покачиваются, дразнят. Уверена, что я не в силах оторвать взор.

Из приземистого строения доносится перестук молотков. Из нарочито дырявой крыши вырываются клубы дыма, что на темном небе кажутся серыми, зато снопы искр уносятся быстро, трепещуще. Вот рассыпались в выси бенгальскими огоньками... Жизнь кипит, ведь ночь же, должны работать разве что булочники, чтобы к утру был свежий хлеб, да стражи обязаны бдительно, но здесь ночная жизнь в полном разгаре, как на Тверской...

Обходя двор, я добрел до просторной конюшни. Оттуда вкусно пахнет свежим сеном, чистой водой, ячменем или пшеницей, не различаю их, но как наяву вообразил себе крупные зерна. Интересно, какие тут кони... А может, в этой конюшне у них и ручные драконы? Или одомашненные?

Я осторожно приоткрыл дверь. Стойла начинаются дальше, а от ворот и метров на пять во все стороны свалены кипы свежайшего сена. Молоденькая девушка лежала на сене, готовясь заснуть, уютно устроилась, а при моем вторжении испуганно приподняла голову. Наши взгляды встретились. Ее щеки начал заливать румянец, она испуганно поправила платье, натягивая его на пятки, снова посмотрела на меня испуганно, румянец разлился на все лицо, покраснел даже лоб, запылали уши, стала розовой шея...

Я улыбнулся ей – ну чего так трусит, она несмело улыбнулась тоже, и я опустился на сено с нею рядом. Я почти слышал, как испуганно колотится ее сердечко. Глаза ее заблестели, как будто она готовилась зареветь. Я приглашающе вытянул руку, она вздрогнула, но послушно опустила на нее голову. Я почесал ей за ухом, она вздохнула с благодарностью, придвинулась и положила голову мне на плечо, рукой трепетно обхватила за шею.

Я непроизвольно прижал ее к своему уже горячему телу, но вместо жара в чреслах чувствовал странную нежность, от которой защипало в глазах, а в груди стеснило дыхание. Ее волосы щекотали нос и губы, я почти жадно вдыхал аромат свежего сена, пахучих трав и цветов.

Девушка шевельнулась, она словно старалась втиснуться в меня, прячась от сурового злого мира, что обступил нас со всех сторон. Я чувствовал тепло ее мягкого тела, чувствовал его нежность, но все страшился спугнуть очарование, что посетило впервые со дня... нет, впервые в жизни.

Сверху посыпались мелкие сухие травинки – это ветер над крышей смахнул с балки клок сена. Под темным потолком пробежал мелкий зверек, в сене некстати затирлинькал уцелевший кузнечик. Или сверчок. Я закрыл глаза, стало жарко, словно огонь разгорался внутри головы.

Девушка шевельнулась, я увидел ее широко расставленные глаза. Ее пухлые губы показались сердито надутыми, потом я решил, что она вот-вот заплачет. Я привлек ее снова к себе, не в силах видеть вопрошающие глаза.

Волна жара наконец захлестнула мозг, затопила сознание. Я мял ее покорное тело, оно стонало и запрокидывало голову, я чувствовал, что не удержал в себе зверя, грязного и похотливого, зверь тут же завладел душой, телом, и я, ощутив себе оборотнем, использовал ее тело для своих звериных нужд, остановиться не мог и даже не пытался, пока огненная лава не прорвала мир. Я вскрикнул, зарычал по-звериному. Волна сладострастия тряхнула еще и еще, удовлетворенный зверь наконец уполз в свою нору, а я обнаружил, что лежу на растерзанной женщине...

Волна раскаяния была такой острой, словно я среди бела дня побил стекла на троллейбусной остановке. Следующей мыслью было схватить ее в охапку и пообещать жениться... как-нибудь потом, когда вернусь из похода, но послышались всхлипывания, я повернулся, девушка смотрит со страхом, губы ее распухли, на нижней кровоподтек.

– Прости, – сказал я с раскаянием.

Мои руки сами по себе схватили ее в объятия, я гладил ее по голове, утешал, даже чесал спину, не зная, как еще утешить, ибо в этот миг утешить ее казалось даже важнее, чем вся наша поездка с Беольдром.

Она приподняла голову, я снова увидел в ее глазах страх.

– Вам, милорд, – проговорила она едва слышно, – было со мной... неинтересно? Мне так стыдно!.. У меня плохая одежда... и я ничего не умею.

Ее чистые глаза наполнились слезами. Я схватил ее голову в обе ладони, прижал к своей груди. Сердце колотилось часто и мощно. Она ревет не потому, что я ее обидел, а из страха, что мне с ней не понравится!

Значит, мелькнула мысль, я погрешил перед здешним Господом не так уж и сильно, ибо я всего лишь поддался мужской слабости, но никого не обидел, тем более – женщины.

– Ты самая лучшая в мире из женщин, – сказал я почти совершенно искренне. – Спи!.. И пусть тебе приснятся самые лучшие сны.

Дверь конюшни распахнулась в тот же яркий мир факелов, запахов смолы, звуков музыки, хохота, веселых голосов. На том месте, где танцевала женщина кавказской национальности, теперь шумно отплясывали здоровенные мужики, человек семь, в круг то и дело выталикивали женщин, раскрасневшихся и веселых, то ли незамужних, то ли пользующихся случаем, когда мужья спят или в отлучке. Некоторые еще стеснялись, но я видел, как их заводят запретные ночные танцы, хотя какие они уж запретные, побывали бы они в Зорре...

– А во дворце – менестрели...

Я вздрогнул от негромкого голоса. Худощавый мужчина русско-интеллигентского сложения стоял в тени в двух шагах от меня, смотрел на меня с любопытством и дружеской насмешкой, как на сообщника, который познал истину чуть позже его самого. Он был в плаще до пола, капюшон свободно лежал на плечах. Так одеваются, насколько помню, монахи, священники, а также всякие бродячие философы, галилеи, алхимики, бродячие пророки.

– Простите? – сказал я.

Он кивнул на пляшущих, огни факелов отражались в его зрачках, мне показалось, что там мечется пламя.

– Я говорю, – пояснил он, – что здесь, во дворе, – циркачи и жонглеры, а там, во дворце, для благородного люда – изысканные менестрели и сладкоречивые барды. Но суть одна: люди веселятся. Верно?

– Верно, – ответил я. – Простите, но у меня такое впечатление, что я... уже вас где-то видел.

Он взглянул в упор, но я не отводил взгляда, и он первым отвел глаза, как будто не выдержал моего взгляда, но я понимал, что это игра. Этот человек... если он вообще человек, не из тех, кто отводит взгляд.

– Я странствующий философ, – сказал он уклончиво. – Брожу по очень разным странам. Меня можно увидеть всюду.

Мое сердце начало колотиться все сильнее. Я чувствовал, как от возбуждения повышается давление, вот мощный вспрыск адреналина в кровь, мысли потекли быстрее, горячечные, спутанные, а мышцы содрогались от жажды действия.

– Да, – сказал я, – конечно. Но... может быть, не стоит играть в отгадки? Давайте уж начистоту. Что вы хотите, что предлагаете?..

Он взглянул мне в глаза, улыбнулся интеллигентно и печально. Глаза были задумчивые, интеллектуальные.

– Начистоту нельзя, – сказал он мягко. – Разве вам понравилась картина пространства, которую вы узрели?.. Нет? Верно, к истине надо приближаться постепенно. Не согласны? Понимаю, не согласны. Но нельзя сразу... не получится. Просто невозможно. Даже у Него не получилось. Так что давайте начнем с того, что у нас есть... Есть Ричард Длинные Руки. Он силен и умен. Знает неизмеримо больше других... И умеет... умеет тоже неизмеримо больше всех здешних королей, вместе взятых. Но он – простолюдин, увы. С его умом и знаниями ему все равно место на конюшне. Или судьба носить щит и копье за каким-либо придурком в железе. Ладно, при особой удаче он может стать даже полным рыцарем! Хорошо, берем неслыханную удачу и редчайшее стечение обстоятельств – со временем этот Ричард Длинные Руки завоюет для себя некое королевство. Можно даже большое, какая разница! Дорогой сэра Дика, вы же знаете все тщету этого барахтанья... заглядывали ведь в бездну, пытаюсь представить расстояние между звездами или постичь размеры электрона? Так вот все, чего здесь можно достичь, с точки зрения вечности... размеров Вселенной... скорости фотона... Словом, я могу все это предоставить.

– Что? – не понял я.

– Все то, чего здесь можно добиться, – ответил он. – Я же говорю, ценой невероятных усилий и через много лет ты достигнешь... извини, что я на «ты», это от искренности. Для упрощения, зачем нам сложности?.. Ты достигнешь той степени могущества, что сможешь захватить власть в одном из королевств. Или быть избранным, как хочешь. И я уверен, что править можешь и станешь справедливо, гуманно, с учетом общечеловеческих ценностей. Так вот, я предлагаю тебе это все сейчас!

Я напрягся, постарался взять себя в руки, хотя перед глазами сразу вспыхнуло лицо принцессы Азаминды и эти трое правителей Зорра, что не нашли для принцессы даже табуретки в их тронном зале. Уж я бы для принцессы выделил... нет, бросил бы к ее ногам все королевство!

– Но... какую выгоду получите вы?

Он сощурил глаза.

– Ты еще хочешь спросить, где подвох?

– Ну... если честно, то да.

– Фокус в том, что подвоха нет. Я хочу, чтобы ты как можно быстрее занял трон короля. Желательно королевства покрупнее. А то и вовсе – императора. Поверь, я не стану вмешиваться ни в какие твои реформы!..

– Почему? – спросил я в упор.

Он помедлил, глядя мне в глаза. У меня осталось нехорошее предчувствие, что сейчас он выложит самый неприятный для меня козырь. Или положит на стол горькую пилюлю, которую я вынужден буду проглотить.

– А тебя не удивляют, – сказал он медленно, – некоторые странности?.. Ну хотя бы те, что на тебя не подействовала так называемая черная магия? Хотя она не черная и вовсе не магия, а... Впрочем, это неважно. И что у тебя нет ангела-хранителя?

Я ощутил холодок по всему телу. Сказал с осторожностью:

– Объяснения могут быть разные...

– И все неверные, – ответил он. – Скажу правду. Это я выдернул тебя в этот мир. Не скажу, что это было легко, это я на случай, если ты сразу же с воплями начнешь умолять вернуть все назад... к тому же для данного переноса потребовалось согласие... гм, некоторая договоренность с противоположной стороной... Но факт остается фактом: ты здесь по моей инициативе. Я сделал на тебя ставку. Сам я, как ты понимаешь, могу перемещаться по всем пространствам, вселенным и антивселенным, но чтобы перенести тебя, пришлось на время приостановить действия некоторых фундаментальных законов. Как я уже упоминал, это можно было сделать только сообщая, как у вас там только двое на разных концах комнаты запускают ядерную ракету... Впрочем, я отвлекся. Перенес тебя сюда потому, что мне дозарезу нужны умные, талантливые люди, понимающие необходимость прогресса. Желательно, как вот в твоём случае, знающие основные вехи прогресса. И технические, и социальные. Ты станешь прогрессивным королем, Ричард!

Холод охватил мои внутренности, хотя сердце едва не выпрыгивало из грудной клетки. В черепе стало горячо, я чувствовал, как вздуваются жилы на висках. Я едва расцепил пересохшие губы.

– Но... почему я?

– Мне нужен помощник, – объяснил он терпеливо. – У меня великолепные исполнители, великолепные слуги, великолепная армия!.. Все дисциплинированные, все... Эх!.. Но мне нужен человек, который сам, без присмотра, делал бы то же самое, что делаю я. Моя власть безгранична... почти. Я знаю о твоём мире лишь то, что там моя власть практически абсолютна. Церкви – пристанища выживших из ума старух, религия – повод для насмешек, служители церкви – сплошь воры и развратники, а к самой церкви никто не прислушивается, всерьез ее не воспринимает, и, что самое главное, никакой роли в обществе она не играет. Там у вас уже мое общество!

Я слушал, голова гудела, а сердце колотилось так, будто я заканчивал марафонскую дистанцию. Перед глазами сразу замелькало, какое могучее и вообще всесильное государство я устрою. В нем будет самый справедливый строй, ко мне все будут бегать на поселение, соседние короли взвоят и пойдут войной, но я своим расскажу, как создать порох, вообще сперва научу отливать не только колокола, но и пушки, а дальше соберу самых умных людей, введу всеобщую грамотность, буду развивать науку и культуру...

– Нет, – ответил я хриплым голосом, – я пока не готов...

Он отшатнулся в удивлении.

– Что? Почему?

– Я просто знаю, – ответил я с трудом, – что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Он стиснул челюсти так сильно, что рифленые желваки, казалось, вот-вот прорвут кожу. В запавших глазах вспыхнул багровый огонь, исчез, словно задернули заслонку, но не погас, я чувствовал жар звездных глубин.

– Какой бесплатный? Мне нужны умные, талантливые люди!.. Разве ты сам не станешь собирать умных и талантливых, давать им высокие должности, власть... просто так? Раздавать бесплатный сыр, как ты говоришь?

Я сжал ладонями виски. В черепе мысли метались и сталкивались с силой и грохотом разбивающихся танков, а потом начали рваться снарядные ящики.

– Нет, – ответил я. – Нет... Да, я из мира... что прошел по этой дорожке... дальше. Потому я не стану... ибо честные энтузиасты творят преступлений обычно больше, чем самые

отъявленные мерзавцы. После моих реформ, возможно, вся страна будет залита кровью. А то и захлебнется в ней... Нет, я не возьмусь. Но я и не отказываюсь! Я просто хочу больше времени... я хочу повидать те страны, где все иначе... Если честно, мне Мордант нравится больше, чем Зорр. Вообще Мордант велик и славен, так сказали бы даже в Зорре.

Он засмеялся:

– Никогда не скажут! Там слишком тупые и непримиримые.

Я сам считаю их тупыми и непримиримыми, но то я, мне можно, а когда говорят другие, я ошетинился.

– Зорр меньше, но он силен, и сердце у него огромное, сильное. А у Морданта – слабое.

– Прости, не понял...

Я молча указал на дальнейшее темное здание, в котором даже я признал костел. Выглянувшая из-за туч луна освещала его с другой стороны, он казался выше и темнее, чем был на самом деле. Высокие новенькие дома теснили костел со всех сторон, даже площадь перед ним уже застроена лавками, торговыми рядами.

– В Зорре костел втрое больше этого, – сказал я наконец. – И расположен он так, что ничто не мешает ему дышать, а людям собираться даже перед храмом. Да и священники там не спят... Кстати, костел в Зорре не просто огромен, он еще и выстроен так, что выдержит осаду не хуже самой крепости.

– А пушки он выдержит? – спросил он и деликатно усмехнулся.

– Я не защищаю Зорр, – возразил я. – Просто я указываю, что у Зорра есть то, что он будет защищать иступленно. Был бы в Зорре такой костел, как здесь, Зорр бы сдался Карлу намного раньше. Я просто... Да что там! Зорр хоть и не нравится мне, но я понимаю его...

– Отсталость?

– Да, – согласился я. – Дело даже не в том, что здесь приручили драконов, а в Зорре – нет. Я не люблю попов, не люблю церкви, а в Зорре они на каждом шагу. Я люблю веселье, которого в Зорре нет, зато здесь... И мне кажется, что если рискнуть углубиться на юг еще дальше...

Он засмеялся, вскинул руку.

– Не продолжай. Я понял. В какой город тебя забросить? В какое королевство?

Я отшатнулся.

– Ни в коем случае! Это тоже надо постепенно. И только я сам. Тогда я смогу сравнивать, оценивать...

Он развел руками. Мне показалось, что в его глазах мелькнул огонек неудовольствия, но голос прозвучал ровный и дружеский:

– Прекрасно. Торопить не стану. Чем больше увидишь, тем сильнее уверуешь в мою правоту. И более ревностным моим сторонником станешь.

Он исчез, как умеют уходить мягкие интеллигентные люди, тихо и ненавязчиво, ибо уход тоже бывает навязчивым. Я стоял ошалелый, перед глазами прыгали огоньки, а тело трянуло запоздалой дрожью. На этот раз он даже не скрывал, что он... Ну, кто он такой. И напрямую сказал, что от меня хочет. И, хуже того, сказал, что я и так иду не по кривой и тернистой дорожке непонятных моральных совершенствований, как задумал его противник, а по прямому асфальтовому тракту прогресса. То есть по его пути.

Глава 7

Я стоял задумавшись, сзади послышались быстрые шаги. Мои пальцы сами инстинктивно прошлись по поясу, где совсем недавно висел молот.

Ко мне приближался, нарочито громко топая, остроухий Зак Ганн, как назвала его женщина. Кстати, как ее звать, не запомнил. Или она не называлась... Ах да, Беата. Зак Ганн издала вскинул руку, показывая, что в ней пусто, а то ведь я человек, а человеку не чуждо и в рыло без базаров, здесь уже знают рыцарские ндравы. И чтут. Вернее, считаются.

– Че подкрадываешься? – спросил я подозрительно. – Ты мне смотри...

– Это я подкрадывался? – спросил он с негодованием. – Что это за существа – люди... Все играют, играют! Вот и король у нас немного заигрался, зачем-то удостаивает тебя высочайшей аудиенции. Это великая честь для новичка, который себя еще ничем не проявил.

Я пробормотал:

– Что, и король у вас сова?

– Сова?

– Ну да... гм, у нас так почтительно зовут крупных государственных деятелей, что и ночи напролет над картой мира... заботясь, значит, о судьбах подданных... С трубкой во рту и пачкой «Герцеговины-Флор».

Он покачал головой, уши напряжились до хруста хрящиков, морщины на лбу задвигались, укладывая услышанное поудобнее, чтобы быстро достать при острой нужде, щегольнуть перед бабами.

– Да, он такой... – сказал осторожно. – Однако он может быть не совсем... за картой мира.

– Бабы? – спросил я. – Бабы – это тоже хорошо.

Он не рискнул поддерживать светскую беседу, сделал приглашающий жест, и мы пошли по широкому коридору, где пол и стены заливают волны чистого радостного света. Светящийся мох дает оранжевый свет настоящего дневного оттенка, к которому мы привыкли, потолок отражает свет, рассеивает, и передо мной впервые не бежали угольно-черные тени, к которым вынужденно привык в Зорре.

В тронном зале было светло и радостно. Две фигуры согнулись над пестрой доской, в которой я еще издала узнал шахматную. Один человек, массивный, с торчащими, как у Петра Первого, в стороны усами, явно король: королевская мантия, легкая корона на голове, но веселится и что-то выкрикивает совсем не по-королевски. Второй держится скованно, но я ощутил, что эта скованность не от смущения перед королем, а скорее от близкого поражения.

Меня подвели ближе, король взглянул мельком, взмахнул белой холеной рукой:

– Подожди там. Возьми стул, посиди. Сейчас я разгромлю этого простака...

– Я не простака, Ваше Величество, – возразил второй игрок обидчиво, – просто вы где-то смошенничали...

Король воскликнул:

– Опять? На этот раз мы ж в шахматы, а не кости бросаем, не заметил?.. Как тут смошенничать?

– Не знаю, – возразил второй уныло. – Но вы всегда мошенничаете... У вас и карты крапленые, и кости со свинцом... И шахматы...

– Что, – спросил король ехидно, – со свинцом? Или крапленые?

– Вам виднее, – сказал партнер тоже ехидно. – Я не разгадал, я ж не жулик...

С этой стороны меня отгораживал от короля длинный стол, сплошь заставленный блюдами с изысканно приготовленной едой, а также множеством фруктов: массивных гроздьев сочного винограда, яблок, груш, апельсинов, абрикосов...

Я сел и начал наблюдать за игрой. Они сделали еще по два хода, король победно подкрутил левый ус, с таким энтузиазмом поставил ферзя на дальнюю клетку, что я ждал вопля «Рыба!», но король сказал с той же победной интонацией:

– Мат!.. В два хода!

Второй насупился.

– Как это? Откуда мат?.. Ничего не вижу... А я вот щас эту вашу королеву и шаракну...

Король заулыбался – явно убийство ферзя входило в план коварной ловушки, повернулся ко мне. Глаза его были живыми, лицо покраснелось, усы топорщились, как у большого довольного кота.

– Ну? – сказал он по-прежнему ехидно. – Как созерцание этой нечестивой игры?

Я пожал плечами.

– Ваше Величество, вы играете на уровне продвинутого новичка. А меня дедушка в сопливом возрасте... не дедушка в сопливом, а когда я был в том счастливом возрасте... водил в шахматный кружок, где я добрался до второго разряда. Я думаю, что для вашего королевства это на уровне абсолютного чемпиона мира...

Он не врубился насчет кружка и чемпионства, но суть ухватил сразу.

– Ты умеешь... нет, ты не чувствуешь отвращения к этой нечестивой игре?

– Я не вижу в ней ничего нечестивого, – ответил я. – А вам попробую поставить если не киндермат, то... слона вперед дам. А то и ладью. Или она для вас все еще тура?

Он изумленно покрутил головой.

– Так-так... А ведь у вас в Зорре она запрещена! Людям надлежит упражняться только в постах, молитвах, исповедях, стоянии часами на коленях и... Ладно, об этом потом. Расскажи о Зорре, каков он сейчас. Нет-нет, у меня, конечно же, есть там люди, но меня больше интересует мнение бродячих торговцев, певцов, странников – они видели больше, могут сравнивать. Ты тоже в Зорре чужой, а видел ты, судя... хотя бы по шахматам, много.

Я пожал плечами.

– Там сильные и отважные люди. Они сражаются с войсками короля Карла... и хорошо сражаются.

Он помрачнел, нахмурился, стукнул кулаком по второму столу.

– Фанатики... Твердоголовые фанатики!.. Король Карл все равно возьмет ваш Зорр. И тогда все королевство... эх!.. Вам нужно под мою руку. Но я не хочу идти войной, хотя, поверь, у меня сил втрое больше, чем у Зорра. Я не хочу больших потерь, это плохо сказывается на... вообще плохо сказывается. Но Зорру лучше быть под моей рукой. Когда вернешься, везде рассказывай о преимуществах... И о том, что я готовлю большое войско для нападения. А я его, если честно, в самом деле готовлю.

Я проигнорировал угрозу, спросил:

– Каких преимуществах?

Он покачал головой.

– Еще не заметил? Врешь, заметил. Ты не дурак. У нас весело, у нас жизнь кипит, у нас доступные женщины, у нас на веселье уходит почти столько же времени, сколько и на работу... И, самое главное, под моей рукой Зорр будет в безопасности!

– Почему? – спросил я прямо.

Он отвел взгляд, отвечать явно не хотелось, наконец проронил:

– Лучше об этом распространяться не очень, не очень... Дело в том, что хотя мы и не признаем власти Карла... тем более не признаем его вдохновителей, но мы иногда торгуем с империей Карла... да-да, уже не королевством, а империей!.. И потому у нас с Карлом такие отношения, что он нас не трогает, мы его не трогаем...

До поры до времени, подумал я. Карлу не до вас, пока есть Зорр. И пока есть подобные Зорру.

– Как я понял, – сказал я, – никаких прав у вас на Зорр нет...

Он вскинул брови.

– При чем здесь право?.. Разве я говорю о праве в понимании этих невежественных королей и их вассалов? У нас свое право. Настоящее. Справедливое. Или ты считаешь, что все под справедливостью полагают одно и то же?

– Нет, конечно...

– Так вот, по нашему праву мы можем вмешиваться в дела примитивных жестоких племен и народов... вот, кстати сказать, как вы считаете себя вправе навязывать Христа язычникам. Ведь навязываете же? Огнем и мечом? А кто отказывается, кто мужественно защищает свою самобытность... нет-нет, я не защищаю их, я просто показываю вам, как это выглядит с другой точки зрения. Вы считаете, что вы вправе вмешиваться, так как несете свет более высокой веры, более высокого учения. И более высокой культуры. Верно?

Я процедил сквозь зубы:

– В целом верно. Хотя я и не зоррец...

– Вот и прекрасно, мы поладили. Точно так же мы несем свет... если продолжать те же старые метафоры, свет знания! Свет прогресса. Вы не поверите, но в нашем королевстве практически все умеют читать и писать. Простите, а ваш король Шарлегайл умеет расписываться? Или вместо подписи ставит крестик?.. Говорят, будучи особо грамотным, он рисует три крестика. А у нас любой простолюдин может подняться на самые высокие ступени в обществе. Это ли не справедливость?

Я с неохотой кивнул.

– Да, если это верно. Но, хотя я и не зоррец...

– Верно-верно, – сказал он, и я поверил, что не врет. – Это же прямая выгода нашему государству! Когда у всех граждан есть доступ к высшим должностям, ни один талант не пропадет. Потому мы лучше этого вонючего королевства даже по таким признакам, как богатство, как свободное время, как развлечения... а что еще надо простому народу, как не развлечения?

Я поднялся, поклонился:

– Не буду отнимать драгоценное время у Вашего Величества.

Он прищурился:

– Это значит, что ты отказываешься помогать?

– Я не отказываюсь, – ответил я осторожно, ибо спорить с монархами очень рискованно. – Но Зорр должен убедиться в преимуществах образования, вообще в преимуществах вашего образа жизни... в чем я, например, убежден полностью! Целиком и полностью. Сейчас мои симпатии, скажу честно, на вашей стороне. На стороне королевства Мордант. Но если вы нападете на Зорр, мои симпатии будут на стороне обороняющихся. И если у меня появится возможность сражаться, я буду драться в рядах его защитников.

Он несколько мгновений всматривался в мое лицо. Я сам не понимал, почему такое сморозил. Давно уже живу без каких-либо моральных установок, ведь я из двадцать первого века, а вот сейчас взял и брякнул. И вообще стою в горделивой позе, месяц тому назвал бы ее смешной: грудь колесом, одно плечо вперед, подбородок надменно вздернут, взгляд вприщур, на морде тупая готовность стоять на своем, неважно – прав или не прав.

– Ладно, – сказал король неохотно. – Иди... Мне жаль, ты понимаешь, я хотел только, чтобы на те земли как можно быстрее пришел свет просвещения... Иди, сэр Ричард. Ты все равно придешь ко мне. И ты это знаешь.

Я кивнул. В душе шевельнулась благодарность, что этот человек хоть и король, а это еще те люди, но так хорошо меня понял.

– Знаю. Но сейчас еще не тот день. Но можно ли мне вернуться тем же путем, каким я и прибыл?

Он посмотрел с недоумением, отмахнулся.

– Ну конечно же! Даю тебе на то свое королевское повеление, если тебе это так важно. А теперь иди.

Я поклонился, попятился, ибо к королю вроде бы неприлично поворачиваться анусом... или это к шаху не принято... словом, у самой двери развернулся, открыл сам, по ту сторону ждет Зак Ганн, я заявил с ходу:

– Запрягай дракона!.. Повезешь обратно.

Он опешил.

– Ты... что? Я еще не видел такой наглости!

– Это короля ты называешь наглецом? – поинтересовался я зловеще, бросил взгляд на молчаливых стражей. – Хоть у вас тут почти демократия, но не до такой же степени, надеюсь?..

Вытянутое лицо эльфа стало еще длиннее, а глаза распахнулись, как крылья испуганной бабочки.

– При чем тут... Его Величество?

– Он распорядился, – ответил я злорадно, – доставить меня обратно тем же способом... и в то же место, как и оттуда сюда! Теперь андастэнд?

Зак Ганн в страхе взглянул на стражей. Они стояли как истуканы, но то ли движением бровей, то ли аурой подтвердили, что этот наглый пришелец не врет.

– Великие Силы! – прошептал эльф. – Так уже ж почти рассвет!.. Бегом за мной!

Стены замелькали, как лопасти вентилятора. Мы неслись по коридорам, выбежали во двор, а потом помчались вокруг замка в самый дальний и темный угол. Эльф что-то выкрикивал на бегу. Впереди вспыхнул свет, несколько человек поспешно распахнули перед нами тяжелые, окованные железом двери.

В огромном помещении сильно пахло рыбой, тинной и водорослями. И медузами. В свете факелов метались приземистые фигуры, вскрикивали, переругивались, наконец появилась достаточно высокая фигура. К ней подбежали с факелом, я узнал Беату, что руководила моим похищением.

Она всматривалась в меня с гневом и возмущением.

– Ты? – сказала она неверяще. – Это тебя потребовалось везти обратно так срочно?

– Я ж говорил, – ухмыльнулся я. – Если мне полет понравится, я возьму тебя своим личным водителем... может быть.

Я выразительным взглядом прошелся по ее фигуре. Она вспыхнула, в глазах заблистали грозные искры. Я поспешно отступил, улыбнулся, выставил вперед ладони в примиряющем жесте: шуток не понимаешь, это же вполне в духе новых времен! И вашего королевства. И будущей эры политкорректности и сексуальных свобод.

Дракона вывели через другие ворота, мы оказались сразу за пределами города. Я во все глаза рассматривал эту громадную ящерицу, но если эльф, гном и женщина надеялись, что я упаду от ужаса или начну призывать Силы Небесные, они здорово просчитались. Дело не в том, что здесь мало видят зверей, а у нас любой ребенок хоть раз да побывал в зоопарке или в цирке, но все мы к тому же знаем, какие были тираннозавры, бронтозавры, игуанодоны, птеродактили, во многих парках стоят как живые, режут, бодаются, машут крыльями и даже рвут когтями друг друга.

– Хорошее ископаемое, – одобрил я. – Ребята, надо спешить. Уже рассвет!.. Хорошо бы пораньше...

Беата сказала с откровенной ненавистью:

– Влезай. Я поведу дракона.

Эльф и гном попятнулись, дракон распустил серые кожистые крылья. На спине обнажился острый гребень, уже потертый, а костяные щитки, по которым я карабкался вверх, выглядели

истоптанными ступеньками. Женщина села впереди, прямо на холке, оглянулась. Мне почудилось в ее глазах злорадство.

– Можно лететь?

– Да, – ответил я неосторожно, тут же прикусил язык, стараясь понять, в чем же подвох. – Только мертвую петлю не делай.

Дракон поднялся на всех четырех лапах, тяжело побежал, растопыренные крылья начали осторожно хлопать по воздуху, и я понял, почему драконы не садятся и не взлетают во дворце, им для разгона нужна взлетная дорожка длиной с полосу для «Боинга». И еще я понял, что не успел пристегнуться ремнем, что здесь вообще нет ремня, что меня не привязали... и понял, что значили злорадство в глазах женщины и ее смиренный вопрос: можно ли взлетать?

Толчок, меня вжало в костяные плиты. Там закричало, две массивные пластинки раздвинулись. На следующем взмахе крыльев злорадно сошлись, защемив брюки и кожу на заднице. Я молча взвыл, но нет худа без добра: зато ветер не смахнет меня, как горстку пыли. А защемило только задницу, надо представить, что просто вкатили десяток уколов, современный человек не обходится без уколов в это место...

Женщина оглянулась, ее волосы растрепались, глаза блестели веселой злостью.

– Ну как тебе полет?

– Терпимо! – прокричал я навстречу ветру. – Когда нет ничего быстрого, то и на драконах можно!

Она отвернулась. Дракон начал отклоняться к югу, она пару раз с силой ударила длинной палкой по левому крылу. Дракон качнулся влево, ветер снова ударил прямо в лицо. Я морщился, крепко держался за торчащий из спины высокий шип, спиной упирался в другой. Пятками отыскал щели между костяными щитками, уперся, и страх медленно уходил, зато пришло дурацкое ликование. Как же, лечу! Как раньше летал только в виртуале. Тоже на драконах, грифах, симургах... Если честно, то не скажу, что в реале лучше. Там летишь, летишь, дерешься с другими наездниками на драконах, а левой рукой хлопаешь по столу в поисках бутерброда или плитки шоколада. Если даже голову сшибут, то на этот случай есть load...

Рот мой наполнился слюной, я попытался сплюнуть, и ветер злорадно тут же размазал плевок по всей роже. Никогда бы не подумал, что я могу плюнуть как верблюд. Даже как два верблюда...

Женщина начала оглядываться, я закричал поспешно:

– Смотри вперед!

Она посмотрела, я поспешно вытер харю, она оглянулась, брови в недоумении вздернуты.

– А что там?

– Как прекрасен этот мир, посмотри! – прокричал я.

Она отвернулась и больше в мою сторону не смотрела. И не разговаривала. Дракон несся стремительно, взмахи крыльев бросали его сильными рывками, я уже приноровился и не стучался затылком о высокий шип. Темно-зеленое внизу иногда переходило в светло-зеленое – это лес сменялся равнинами, иногда я замечал тончайшие коричневые нити – это дороги, пять-шесть раз под нами проплыли извилистые вены рек и речушек.

Я продрог, утром воздух вообще холодный, хоть и лето, а здесь уже встречный ветер, однако дракон медленно шел вниз, еще ниже, еще. Сперва я думал, он перешел на бреющий полет, чтобы не очень замечали крестьяне, а маги не сбили, будучи предупреждены заранее, но дракон снизился еще, выставил вперед лапы, чуть откинулся корпусом назад, крылья распахнул и выставил против ветра как паруса.

Несколько раз трянуло, он приземлился только с третьей попытки, чуть пробежал и тяжело рухнул брюхом на траву. В десятке шагов поднимались высокие деревья, там лес, так что дракон совершил неплохую посадку.

Под мной в недрах дракона хрипело и хлюпало. Я рванулся, меня держало, но на следующий полный вдох пластины раздвинулись, я сумел встать и даже улыбнулся наезднице.

– Спасибо за полет! Я понимаю, вы в самом деле старались сделать все, чтобы мы летели как можно быстрее.

Беата смотрела на меня в негодовании, на щеках выступил злой румянец.

– Что значит «старались»?

– Все равно спасибо, – произнес я галантно. – Вы сделали что могли.

Брюхо дракона судорожно раздувалось и схлопывалось, камешки под брюхом скрипели. Широкие, как шпангоуты корабля, ребра на мгновения резко обозначались под кожей, исчезали под сухой серой кожей, очень похожей на рыбу. Здесь, на боках, чешуйки – не ороговевшие плиты, как на спине, а тонкие слюдяные пластинки, иссохшие, потрескавшиеся, а брюхо так и вовсе нежное, как у огромного сома.

Я слез, держась за толстую заднюю лапу, передние слишком близки к страшноватой морде, изо всех сил старался держаться прямо, улыбался мужественно, ни звуком не выдал боль от защемленной задницы. Женщина тут же ухватила ремень и потащила усталого дракона в сторону леса.

– Сейчас он лететь не может, – объяснила она с упреком, словно это я довел ящерицу с крыльями до предынфарктного состояния. – А вам, если так уж не нравятся драконы, надо летать на селептерах!

– Хорошо, – согласился я, – буду. А что это такое?

Она пожала плечами.

– Откуда я знаю?

– Ну... вы ж сами изволили... обронить изволили!

– Так говорят, – отмахнулась она. – Были слухи, что где-то далеко на юге... Но теперь, когда война, все оборвалось.

– Жаль, – сказал я искренне. – А селептеры... странное имя. Это такие драконы или... машины?

– Машины? Что это?

Я помахал ей рукой.

– Вам пора. А то уже солнце поднимается... Идите прямо на восток. Эти деревья кончатся, а там уже тот лесной замок...

И все-таки, оставшись один в ночном лесу, пусть и предрассветном, я ощутил приступ страха, почти паники. Тело мое вздрагивало при каждом шорохе и пугливо хваталось за пояс, где раньше висел молот. Кто-то говорил, что нетрудно быть храбрым на людях, куда труднее быть отважным, когда тебя никто не видит, и сейчас я со стыдом ощутил, что в самом деле бегу через лес с перекошенным от страха лицом, сгорбившись, дышу часто, выгляжу, как бегущий от плети хозяина раб...

Я заставил себя глубоко вздохнуть, выпрямился, плечи пошли в стороны, а взгляд, надеюсь, стал гордым и надменным. Так и несся через лес: выпятив нижнюю челюсть, на губах презрительная улыбка, взгляд свысока на все, будь это упавшее дерево или же прошмыгнувший мелкий зверек, который, может быть, вовсе не зверек, а... Не думать о таком, не думать!

В этом лесу, как рассказал мне по дороге Беольдр, по ночам появляется ночной народ, которого не видит никто из живущих. А кто увидит, тот больше не увидит белого света. Ночной народ выносит из тайных пещер драгоценные камни, что добыл в глубинах земли, и раскладывает на полянах, чтобы камни впитали свет звезд, набрались магической мощи. Некоторые камни, которые выносят уже сотни или тысячи лет, набрали такой мощи, что способны разрушить этот мир и создать новый. А самые молодые камни, которые набирают свет звезд только неделю-другую, могут привораживать или отвораживать, лечить раны и болезни.

Кроме того, в этом лесу бродит конь с рогом посреди лба. Он как стрела бросается на человека и пронзает его рогом насквозь. Вообще-то это не конь, только обликом схож, а на самом деле это зверь, что остался с тех времен, когда на небе еще не было луны...

Еще страшнее деревья, что обхватывают неосторожного путника ветвями и корнями, выпивают его досуха, а утром солнце освещает только иссушенный труп. Такие деревья нельзя отличить, днем они как простые деревья, а вот ночью... Еще здесь ходит чугайстыр, что ловит мавок и рвет на части, а сами мавки сидят чуть ли не на каждой ветке, только ночью здесь можно встретить дивного дракона, что знает людскую речь и может прикидываться купцом, зато встреча с попутником, а то и вовсе с исчезником грозит как днем, так и ночью...

Край земли искрился, солнце высунуло раскаленную лысину, оттуда сразу пошел радостный свет, а от всех предметов побежали угрюмые бесконечно длинные тени.

Запыхавшись, я вылетел из леса и взбежал на вал. Сердце оборвалось и покатилося в темный ров. Мост поднят, незамеченным вернуться не удалось...

Внезапно послышался скрип. Я не верил своим глазам – подъемный мост очень медленно пошел вниз. Я дергался, стискивал кулаки, оглядывался на встающее солнце. Беольдр сейчас поднимается, а то уже и встал, седлает коня. Спрашивает Терентона, куда мог деваться из запертого замка его спутник... С другой стороны, кто как не Терентон опускает подъемный мост? Вряд ли ему сообщили, что я вернусь да еще вот так... Явно, завидев меня, терзается страхом, что если я убежал из Морданта, такой герой, то ему не сносить головы... Но и оставить меня здесь, на рву, бесполезно, ведь Беольдр все равно выедет из замка, я брошусь навстречу и все расскажу, мы тут же вернемся, чтобы все здесь сжечь и разрушить...

Концы бревен опустились наконец на уровень моего пояса, я подпрыгнул, вскочил на мост и побежал к воротам. Мост опускался еще пару секунд, потом остановился и начал подниматься.

Я выбежал во двор. Дверь здания распахнулась, вышел Беольдр. Лицо его было хмурым и подозрительным.

– Дик, – проговорил он с великим удивлением, – где ты был?..

Краем глаза я увидел, как из башенки ворот спустился Терентон. Лицо его побледнело, он старался не смотреть в мою сторону, но уши вытянулись, как у самого породистого эльфа.

– Я? – переспросил я. – Вообще-то у меня было ночью такое приключение...

Беольдр насторожился, Терентон стал еще несчастнее.

– Что случилось? – потребовал Беольдр.

– Да когда наступила ночь, – сказал я, – мне было так душно... я пошел к колодцу напиться... Вода холодная, правда!.. Зубы ломит. А потом пошел обратно, но в потемках заблудился, я ж тут не знаю, где и что. Блуждал, блуждал, пока не понял, что уже хожу по пятому разу, а конюшни все нет... Свалился в каком-то углу. Вот только сейчас проснулся. Все тело болит, спал на каких-то поленьях...

Со стороны Терентона послышался мощный вздох. В его смертельно бледное лицо возвращалась кровь. Он пугливо посмотрел на меня, тут же отвел взгляд.

Беольдр взглянул в сторону подъемного моста:

– Что там у тебя скрипит?

– Уже меньше, – ответил Терентон поспешно. – Вы, ваша милость, изволили не одобрить скрип. Вот я утречком, чтобы вам угодить, смазал цепи. А потом разок опустил и поднял, чтобы масло протекло во все щели...

Беольдр благосклонно кивнул.

– Еще смажь, – велел он. – Все равно скрипит. Вечно вы, торговцы, жадничаете!.. Даже масла вам жаль, которым хоть подвалы заливай... Ладно, Дик, иди быстрее седлай коня. Мой уже готов, понял?

– Понял, – пробормотал я. – Поверьте, ваша милость, мне так стыдно, так стыдно.

Я побежал к конюшне, едва не упал, а когда распахнул ворота, одна только мысль жгла череп. Как с такой задницей я смогу выдержать весь обратный путь?

Обратный путь я не выпускал молот из руки, то и дело швырял в любую подозрительную тень, даже если то в самом деле оказывалась тень от дерева или камня. Наше возвращение сопровождали страшный грохот, треск, падающие деревья, так что уstraшенные тролли, гоблины и всякая мелочь вроде диких гномов рисковать шкурой не стали...

Беольдра приветствовали еще в городских воротах как героя. Двух коней с таинственным бартером тут же увели в сторону королевской оружейной, а ко мне подошел молодой священник, за его спиной маячили двое стражников. Мечи у них в ножнах, но оба держали острые копья. Один сразу же взял коня под уздцы, а второй окинул острым взглядом мои доспехи в поисках щелей.

– Сын мой, – сказал священник, хотя явно мне ровесник, – я готов проводить тебя в святое место.

– К мощам? – переспросил я.

– Нет, – ответил священник. – Тебя готовы выслушать... в другом месте.

Мое распаренное долгой дорогой тело как будто бросили в ледяную воду. Доспехи сразу показались невыносимо тяжелыми. Я медленно спешил, стражник потянул коня в сторону.

– Не беспокойся, – сказал священник елейным голосом. – О нем позаботятся.

– О, не сомневаюсь, – пробормотал я. – Это же конь, не какой-нибудь человек... Тем более простолюдин.

Глава 8

Стены покачивались, а ноги мои подгибались, становясь ватными или, напротив, превращаясь в негнушися колоды. Сердце сжималось, а страх уже заранее растолок в пыль все доводы и оправдания.

Молчаливый слуга распахнул перед нами двери. Стражник остался, священник повел через анфиладу залов, строгих, с неимоверно высокими стрельчатыми сводами. Если там, в своем мире, я видел церкви – уютные и вкусные даже с виду разукрашенные домики, куда старушки носят «освятить» сдобные куличики да пасочки, чтобы потом вернуться домой и лопать их, лопать, лопать от пуза, где сами священники больше обеспокоены задержкой месячных у жены и яловостью коровы, то здесь сама мысль о том, что человек способен есть, показалась бы кощунственной, дикой. Здесь живет дух, здесь знают твердо, что все тленно, кроме чести, доблести, служения Богу и того высокого, что есть в человеке, но о чем в мирской суете забываем и... затаптываем.

Перед дверью высился огромный монах, голову потупил, руки сложил, но не по-наполеоновски на груди, а совсем смиренно в позе футболиста в стенке перед штрафным ударом. Священник сказал ему кротко:

– Вопрошающий доставлен, брат мой.

Монах наклонил голову и, не поднимая головы, толкнул дверь. Вообще-то вопрошающий здесь больше я, успел подумать я и даже жалко порадоваться, что остатки трусливого самообладания сохранил, но дверь распахнулась, и остатки моей трусливой души ушли в пятки, а там забились под стоптанные стельки.

Небольшой темный зал, куда меня доставили, как нельзя больше подходит для судилища. Единственное освещенное место – у каменной стены, и когда я туда встал, сразу вспомнил все и всех, кого и зачем ставили к стенке. Светильник над моей головой растягивает круг света еще на три шага вперед и в стороны, а дальше полумрак, темные фигуры в креслах, но даже сейчас, как схватывают мои быстро приспособляющиеся глаза, все они в бесформенных плащах и капюшонах, закрывающих лица.

Страшное одиночество сковало душу. Семеро фигур в плащах, строгий и бесчеловечный собор, каменные стены из массивных глыб, снизу тянет холодом подземелья, ноги дрожат, а эти фигуры рассматривают меня молча, словно умеют смотреть сквозь человека, как сквозь туман.

– Мы слушаем тебя, Дик, – донесся бесплотный голос.

Я сразу увидел за этим голосом старца, уже утратившего все человеческое, не способного вкушать жареное мясо с острыми специями, забывшего, как выглядит женщина, вообще забывшего, как выглядит мир за стенами.

– Спрашивайте, – ответил я нервно. – Я не знаю, что вы хотите услышать.

– Когда ты в последний раз был в церкви?

– Очень давно, – ответил я. И добавил заискивающе: – В моих краях считают, что Бог живет в самом человеке. А церковь должна быть из ребер, а не из бревен или камня.

Я видел, как они покачивают головами, сдвигают их, совещаясь, голоса шелестят сухие, старческие, бесплотные, растерявшие все человеческие чувства.

– Мы знаем, – прошелестел другой голос, но такой же обесцвеченный, – что в трудном походе со святыми мощами ты заходил в церковь. И что деревенский священник дал тебе крест.

– Да, – ответил я.

– Где этот крест?

Я распахнул рубашку.

– Да вот он.

Я чувствовал на своей коже их холодные взоры, наконец раздался бесплотный голос:

– Почему ты не упомянул? Ведь это говорит в твою пользу.

– Но я в самом деле давно не бывал в церкви, – возразил я. – Вообще был в ней два или три раза. За всю жизнь.

Снова я слышал их приглушенные голоса. Снизу от пола тянуло могильным холодом. От толстых стен тоже несло вечностью, незыблемостью, я против воли начал съеживаться, чувствуя себя маленьким и несчастным.

– Говорят, что ты общался с гномами и эльфами?

Я возразил осторожно:

– Не только я. С ними общаются Беольдр... и другие, как я слышал.

– Им так велено, – ответил священник сухо. – Всякий раз они проходят строжайшее очищение, держат посты, епитимию... Но ты? Ты ведь по своей воле, без принуждения...

– Я общался, – подтвердил я, понимая, что такое отрицать нелепо. – Но оружие, скованное гномами, вполне служит и нашему делу. Если бы не меч, скованный гномами, кто знает, довели бы мы мощи святого Тертуллиана...

– Слепец, – сказал инквизитор с горечью. – Ты все еще думаешь, что дело в самих гномах или эльфах?.. Или даже проще – в Морданте?.. Глупец... Настоящую войну ты даже не зришь, хотя силы бьются неизмеримые с теми, что копошатся внизу. На земле. Война идет по всем землям и королевствам, но только здесь ее можно увидеть... зримо. Только здесь, на Краю, подземные силы Тьмы выходят на поверхность, чтобы подмять человека, а небесные силы Света опускаются от высшего престола, чтобы помочь человеку в его борьбе... И гномы с эльфами лишь первая приманка, первая ступенька на пути падения в ад.

Мне стало страшно, я постарался стряхнуть с себя наваждение, рассердился на себя, что струсил, и на полубезумного священника, который сумел нагнать такой страх.

Второй инквизитор сказал строго:

– Не так уж много надо, чтобы человек потерял такие истинно человеческие ценности, как честь, достоинство, верность...

– Верность Богу? – спросил я.

К моему удивлению, инквизитор отмахнулся.

– Богу, королю, женщине, другу или врагу, своим идеалам – какая разница? Это все верность Богу.

Я насторожился.

– Разве Господь не ревнив? Не говорит, что надо быть верным только Ему?

– Быть верным Ему, – сказал инквизитор резко, – это не поклоняться другим богам. А быть верным женщине... Разве не женщина дала миру Иисуса Христа? Разве не женщины... Эх, ладно, ты еще слишком юн. Но помни, что быть верным женщине – быть верным Богу. Только благородный человек способен проявлять верность кому-то или чему-то. А мерзавец верен только себе...

Третий прислушался, хмыкнул:

– Верен? Мерзавец и себе изменит, если это выгодно. Или чтоб шкуру спасти. Ладно, брат мой, мы уже оценили... в целом эту юную заблудившуюся душу. Кстати, насчет заблудившейся. Наш епископ сказал, что ты заблудился не только душой, что объясняет некоторые твои странности. Повтори нам, сын мой, что ты рассказывал святому человеку.

Я развел руками.

– Ваш епископ оказался очень умным и понимающим человеком. Я рискнул... он поверил. Но вы потащите меня на костер, даже не дослушав. Дело в том, что я силой неведомой мне магии был перенесен из дальних... очень дальних земель. Настолько дальних, что даже в Срединных Землях ничего не слышали о моих краях, как в моих не слышали об этих королевствах. И вот я оказался в поле среди неведомых мне людей в тот момент, когда через это поле гнались за принцессой... Остальное вы наверняка знаете.

Инквизитор кивнул.

– Да, – ответил он блеклым голосом, в котором было больше от механического разума, чем от живого человека, – да, мы знаем все, что делается здесь... Мы стараемся не вмешиваться в мирскую жизнь, но мы ее знаем. Ты, еще не поняв, где ты и что с тобой стряслось, бросился на помощь женщине. Ты не упомянул, что за нею гнались пятеро мужчин!.. То есть ты действовал не по уму, а по велению души...

Он взглянул в упор. Для этого даже сдвинул капюшон на затылок. Глаза мои почти привыкли к полутьме, я различил удлинненное очень худое лицо, явно умерщвляемое постами, запавшие глаза, высоко вздернутые совершенно белые брови, словно вылепленные из снега, да еще усыпанного инеем.

Я проблеял жалко:

– Ну... ме-е... это ж я... ну, так получилось...

В моем мире сказать, что действовал не по уму, – это оскорбить, но здесь, похоже, это почти заслуга. Ну да, ведь дураки да юридические угодны Богу. А я действовал как дурак, когда с оглоблей на пятерых здоровенных лбов, хорошо вооруженных, а перед этим еще и вилами гарпию...

Заговорил самый дальний инквизитор, седьмой, он показался мне настолько старым, что уже и здесь дремал в кресле, забывая, где он и что с ним. Сейчас он смотрел внимательно, запавшие глаза странно мерцали. Я видел, как там, в глубине зрачков, то разгорается огонек, то гаснет, а взамен разрастается жуткая тьма.

– Мы уже знаем, – проговорил он дребезжаще, – что на тебя не действует ни магия колдунов, ни святая вода праведников... Ты не кланяешься Сатане, но ты не ходишь и в церковь. Ты возник неожиданно, когда доблестные слуги церкви везли мощи святого подвижника... Ты мог встать на любую сторону, но ты помог, сам того не зная, силам церкви... Но это не значит, что и в следующий раз поможешь церкви, а не капищу Сатаны... Верно?

Я опустил голову. Все заготовленные слова и увертки показались жалкими и ненужными. Эти инквизиторы, эти опытные следователи видят меня насквозь, как лист промасленной бумаги перед факелом. Что бы я ни сказал, все равно видят, что я на самом деле есть. Они вслушиваются не только в слова, но и в интонации, замечают заминки, падения темпа, отмечают хриплый голос, видят мой покрытый испариной лоб и прекрасно понимают, что значит та или другая капля пота. Они прожили долгую жизнь, они видели всяких людей, научились видеть за увертками и клятвами саму суть...

В тишине заговорил шестой инквизитор, его голос я тоже услышал первый раз:

– А в чем была цель... что этот человек оказался здесь?

Первый инквизитор пробормотал:

– Неисповедимы пути Господни...

Я хмуро подумал, что наконец-то слышу эту обычную отговорку невежд, которые не только не знают, но и не хотят знать. Седьмой подтвердил:

– Все верно, брат. Мы только предполагаем, а располагает Господь... Однако понятно, что этот человек не мог попасть в наш мир без Божьего промысла... или, если хочешь, Божьего согласия...

– Скорее, без промысла Врага рода человеческого, – возразил Первый резко.

– Почему?

– Этот человек не принимает Господа Бога!

– Но не принимает и Сатану, – напомнил Седьмой.

Третий развел в стороны руки, и все умолкли. Он пристально всматривался в мое лицо. Я не видел его глаз, но чувствовал его интенсивный, как от масляного нагревателя, проникающий сухой жар.

– Что скажешь в свою защиту, сын мой?

– Что я могу сказать? – ответил я. – Вы все понимаете лучше меня. Но что-то уже слышал по этому поводу... Чтобы запустить ракету, надо два ключа, а они у разных людей...

Инквизитор пропустил мимо ушей непонятные слова – качество, присущее христианам, – и продолжил:

– Но ты здесь. Значит, Господь Бог не препятствовал Дьяволу ввести тебя в этот мир. И хотя понятно, что ты – человек Дьявола, на которого тот возлагает надежды, однако же Господь в своем бесконечном милосердии...

Я начал вздрагивать, холод от плит все сильнее, а я не йог и не аскет, не умею концентрациями гонять кровь в разные участки тела, а только в один могу, но сейчас это не согреет, а инквизиторы узрят доказательство моей греховности.

Третий все еще смотрел пронизывающим взором, остальные беседовали между собой. Иногда я видел, как в полумраке поблескивают их глаза.

– Ничто не делается без промысла Божьего, – сказал Третий торжественно. – Возможно, на примере этого человека Господь в своем милосердии хочет других отвратить от зла.

Седьмой спросил заинтересованно:

– Что вы рекомендуете, брат?.. Без пролития крови?

Третий ответил бесстрастно:

– Если это отвратит других от зла, почему не принести такую жертву?.. Но я не уверен, что эта жертва необходима.

Холод сотряс меня всего, я изо всех сил стискивал челюсти, чтобы не лязгать зубами, что наверняка сочтут доказательством моей виновности. Как-то не хочется услышать запах своей горячей кожи. Уже слышал велеречивое, что плоть смертна, сгорит, и хрен с нею, нашел, о каких пустяках жалеть, зато выпорхнет и освобожденно запоет бессмертная душа...

Они снова собрались в кучку и оживленно беседовали, цитировали Библию, святых отцов церкви, откровения и поучения, а я сам старался осмыслить свое странное положение. Возможно, в самом деле Та Сторона дала молчаливое согласие на мой перенос, чтобы нарушить некое равновесие между Добром и Злом. Получить, так сказать, право озвереть и одним махом все человечество... ну, как с Содомом и Гоморрой, Геркуланумом и Помпеей, Атлантидой, Лемурией, Гипербореей... а еще раньше – потопом, метеоритом с половинку Луны, поворотом планеты другим боком к Солнцу...

Правда, я хоть и считаю себя самым замечательным и потенциально великим, но уже знаю, что все уверены в своей необыкновенности, так что в реальности я не такая уж и большая шишка, чтобы из-за меня... Впрочем, возможно, здесь недостает только крупинки, чтобы началась реакция, одной песчинки хватит, чтобы сдвинуть чаши весов... Мир Тьмы богаче, разнообразнее, ярче. Он просто намного старше, ведь, по их же басням, Бог прислал в мир своего Сына и принес Его в жертву совсем недавно! И по-настоящему борьба Добра и Зла началась только с Его приходом, а до этого все века и тысячелетия торжествовала Тьма, развивалась, крепла, расширялась, а человеческие королевства под ее черными крыльями грызлись и дрались друг с другом, всячески наращивая мощь, усиливая магию, создавая новых чудовищ.

Да, были отдельные герои и раньше, что сражались против Тьмы, но только сейчас у людей есть Вера, а это, как я уже заметил, достаточно грозное оружие... вот только и сейчас очень немногие могут удержать его в руках. Слишком высокие требования к такому суперкомандос: чистые руки, благородное сердце, незапятнанные помыслы, безграничная вера в своего верховного Сюзерена...

Я напрягал все мышцы, чтобы как-то заставить себя разогреться. Ладно, уже известно, меня сюда забросил Сатана, он сам это сказал, только бы не проговориться об этом инквизиторам, пусть у них это остается только рабочей гипотезой. Но зачем Та Сторона позволила ему затащить меня сюда, явного сторонника прогресса? Либо Господь видит глубже, либо он решил показать, что даже с моей помощью Сатане не одолеть этих праведных и честных идиотов.

Либо чтобы драка стала еще ожесточеннее... Гм, это гипотезы, но остается и та, пришедшая первой, что это для того, чтоб разозлиться шибче и снова мировым потопом, а то и ядерной войной всех и со всеми! Чтоб я, так сказать, переполнил чашу терпения Господнего гнева, и Он вспомнил былое...

Я услышал долгий усталый вздох. Потом прошелестел слабый голос Седьмого:

– Всякое сомнение... толкуется в пользу обвиняемого. Мы не можем с уверенностью сказать, что этот человек послан во Зло... и будет творить Зло. Даже если его призвал в наш мир Сатана!.. Ведь ничто не делается без воли Господа! Так доверимся же Его мудрости и Провидению. Помолимся, братья.

Они склонили головы, Седьмой сложил руки на груди и что-то пробормотал. Я тоже склонил голову, но бормотать не стал, сразу уличат, просто постоял торжественную минуту, словно исполняли гимн, который я не успел выучить, или отдавали почести умершему ветерану.

Первый сказал мне:

– Ты свободен, сын мой.

Третий добавил:

– Сын мой, вера – не что иное, как стремление к совершенству. Верь – и ты станешь лучше себя самого!

Седьмой сказал ровным голосом:

– Господь не уничтожает Дьявола лишь потому, что дает шанс исправиться. Иди, сын мой. Ты свободен. Мы не берем с тебя никаких клятв, никаких обязательств.

Он откинул капюшон на плечи. Голова его была совершенно седая, а худое лицо покрыто крупными и мелкими морщинами. Он показался мне очень похожим на нашего школьного учителя истории, умного и тонкого знатока Средневековья, его обычаев и тонкостей взаимоотношений в этом довольно простом обществе.

Остальные инквизиторы тоже сняли капюшоны. Таинственность исчезла, но я все равно смотрел на них ошарашенно, ибо их худые аскетичные лица совсем не вязались с моим представлением об инквизиторах. Эти выглядели как интеллигенты-шестидесятники... или передвижники, не помню, которых заставили заседать в Тайном Совете и выносить приговоры. Их одухотворенные лица выглядят суровыми, но эта суровость не воинов, а чересчур тонких и остро чувствующих людей, которым пришлось заниматься... политикой. В самом экстремальном проявлении.

Я поднялся с колен, голова идет кругом, спросил ошалело:

– Но почему?

– Чем ты обеспокоен, сын мой? – поинтересовался Седьмой.

– Не знаю, – пробормотал я. – Но я представлял все иначе...

– Как?

– Ну, обязательно пытки, потом на костер.

Глаза Седьмого посуровели, лицо отвердело, а в голосе прорезалась сталь:

– Все это будет, сын мой... если найдем доказательства твоей виновности. Мир жесток, а скверну надо выжигать каленым железом. Но в твоём деле много сомнений... а сомнения всегда толкуются в пользу обвиняемого. Ты свободен, Ричард!.. До времени.

Я уже отступал на шаг, готовясь повернуться и скорее ходу из этого страшного места, но теперь замер, спросил:

– До... какого?

– До следующего, – ответил он без улыбки. – Когда появятся ясные доказательства. Того или иного. А до этого времени ты под следствием.

Я поклонился, отступил, из горла моего выкатилось утрашенное:

– Спасибо, Ваше Преосвященство.

– Впрочем, – добавил он так же ровно, – как и все мы – под следствием.

Я вдруг вспомнил Бернарда, сказал торопливо:

– Мой господин велел, чтобы вы освятили мой молот...

Инквизитор сделал отметающий жест бледной дланью.

– Нам велел или тебе?.. Сын мой, мы еще не увидели, кто ты. На чьей стороне. Лишь потом можно сказать, что достойно носить, вкушать, говорить... христианскому воину, а что можно делать только стороннику Тьмы. Иди, сын мой.

Глава 9

У Рудольфа я переоделся, долго плескался в бочке, смывая пот и усталость. Не сразу заметил, что в дверном проеме стоит Рудольф. Перехватив мой взгляд, буркнул:

– Странные у тебя привычки! Моешься... Леня почесаться, что ли?

– Так научили, – ответил я. – Чего такой грустный?

– Да так, – ответил он хмуро. – Оставили, как старые сапоги... Епископ заявил, что сперва я должен выстоять сорок дней и ночей перед алтарем, а уж потом я... ну, сам понимаешь. Ты ж не хотел, чтобы я говорил, тебе спасибо!

– А-а-а, – протянул я, – вот ты о чем... А кто оставил?

– Ланселот, – буркнул он. – И Бернард. И Асмер. Даже, говорят, Совнарола взяли с собой! Их вчера отправили к королю Арнольду. Выехали срочно, даже проститься не успели. Не знаю даже, что такое может быть срочнее защиты Зорра.

Я поспешно вытерся, натянул рубашку. Без этих троих я сам как будто осиротел. За пару месяцев, что ехали через леса, долины, горы, я если не сроднился с ними – попробуй сродниться с благородным рыцарем! – но без них сейчас ощутил пустоту.

– Тебя вызывают, – вспомнил он. – Король хочет расспросить Беольдра о поездке к оборотникам.

– А я при чем?

– Ты был с ним. Тень славы падет и на тебя.

– Славы?

– Или порки.

Он проводил меня до ворот дворца. Через полчаса подъехал Беольдр, бросил поводья оруженосцу, слез. Не говоря ни слова, кивнул, мы прошли через большой зал, удивительно пустынный и запущенный, на дальних воротах всего один стражник, да и то недомерок – все здоровяки на охране ворот и стен. Из дальнего коридора выбежал взволнованный управитель, Беольдр насторожился, управитель с ходу запричитал, что в привезенном не все так, что обещалось, Беольдр поморщился, потом нахмурился, кивнул мне на парадные двери:

– Иди пока один. Я разберусь – приду.

Я испугался.

– А если король что-то спросит? Я ж даже не представляю, что мы привезли!

Управитель сказал нервно:

– Сэр Беольдр, ваше присутствие необходимо срочно!.. Вы же знаете... гм... особенности...

– Знаю, – огрызнулся Беольдр, а мне бросил нетерпеливо: – Иди-иди!.. Я приду, как только разберусь.

Страж указал мне на дверь, мол, открывай сам, не велика цаца, тут даже не перед всеми баронами распахивают, я толкнул створку, тихонько вошел и остановился, отступив на шаг в сторону.

В тронном зале запустение, только под стенами стоит с десяток тихих как мыши придворных, а из трех кресел на возвышении два зияют вызывающей пустотой. Шарлегайл сидит в своем кресле странно уменьшившийся, съживившийся, несмотря на то, что гордо откинулся на высокую спинку, несмотря на красиво возложенные на широкие подлокотники кресла руки. Но руки выглядят чересчур тонкими, а корона – крупной и тяжелой на покрытой серебряными волосами голове.

Всего один стражник за королевским креслом, зато на красном истоптанном полотне перед тронном пылают гневом четверо могучих рыцарей. Один просто гигант, не человек, а чудовище в человеческом облике – выше и крупнее меня или Беольдра, чудовищно широк, с

могучей выпуклой грудью. Все закованы в доспехи, но головы обнажены, шлемы по ритуалу держат на сгибе левой руки. У всех на лицах суровая решимость настоять на своем. А этот, который чудовище, еще и лют обликом. Не лицо, а небрежно вытесанное из гранитной глыбы подобие лица: не до красоты, лишь бы устрашало.

Одного я узнал – барон Истаниэль, он в прошлый раз настаивал, чтобы король послал в его владения войска. На этот раз, судя по его лицу, барон тоже настаивает... нет, даже требует, гневное багровое лицо пышет жаром.

– Ваше Величество, – донесся до меня его строгий и одновременно вызывающий голос, – на этот раз вам не удастся отправить нас без ответа!

Шарлегайл спросил подавленно:

– Какой ответ еще? Я вам уже ответил...

– Тот ответ нас не устраивает! – отрезал Истаниэль. – Вы обязаны... вы должны отправить в наши владения королевские войска!

– У меня нет свободных войск, – ответил Шарлегайл усталым голосом. – У меня вообще нет свободных людей. Даже охрану замка нести некому – все на защите стен...

Истаниэль выпрямился, ладонь его, словно сама по себе опустилась на рукоять меча, но тут же нехотя сползла. Глаза его метали молнии. Гигант, который стоял за его спиной, грубо отодвинул его, шагнул вперед, пламя в светильниках вздрогнуло от его рева:

– Я здесь впервые, Ваше Величество... Великая честь стоять перед великим королем, но я чувствую себя опозоренным! Я стою перед королем... который заперся в стенах своего крохотного замка... который трусит выйти в бой! Который бросил своих подданных...

Я видел, как замер весь зал, как застыл на миг Шарлегайл, как остановилось все в этом огромном помещении. Остальные трое баронов выпрямились как на параде, их лица твердые и решительные. Если король даст войско, пошлет даже хоть одного человека, то даже мне ясно: эти люди сочтут это проявлением слабости, они так же устроены и в моем мире – даже простую вежливость понимают только как слабость и уже через неделю придут с требованиями отдать им королевскую казну или послать принцессу пасти их гусей. Но и если не даст, откажет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.